

Светлана
Макаренко-Астрикова

Сказки кофейного фея

Семейный роман-авантюра. Новеллы. Рассказы.

Светлана Макаренко-Астрикова

Сказки кофейного фея

«Издательские решения»

Макаренко-Астрикова С. А.

Сказки кофейного фея / С. А. Макаренко-Астрикова —
«Издательские решения»,

Вниманию читателя предлагается семейно-авантюрный роман в главах и новеллах об искусстве, жизни и любви. Герои романа и новелл, объединенные драматическими коллизиями сюжетных линий, за сравнительно короткий срок сделали любимцами читателей интернет-версии романа. Издание дополнено рассказами из цикла «Кофейное», написанными в последнее время. Роман имел большую читательскую аудиторию в интернете, теплые отклики. Печатное издание романа в жанре семейно-авантюрной хроники желанно читателям.

© Макаренко-Астрикова С. А.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Ветер августа...	6
Глава вторая. Босой ангел...	9
Глава третья. Серебряная молния...	12
Глава четвертая. Картина для фея...	15
Глава пятая. Воскресенье фея...	27
Глава шестая. Категорический план для фея...	31
Глава седьмая. Фей в опере...	36
Глава восьмая. Признания Ланселота...	40
Глава девятая. Тарантелла фея...	43
Глава десятая. Сто мер золота фея...	46
Глава одиннадцатая. Фьоретта, кукла для фея...	49
Глава двенадцатая. Angelos in allernum...2	53
Глава тринадцатая. Drang nash osten, или Тайна старых сундуков...	57
Глава четырнадцатая. Сокровища эстляндского барона...	61
Глава пятнадцатая. Гость со шрамом...	65
Глава шестнадцатая. Номер триста пятый. Молитва фея...	68
Глава семнадцатая. Сфумато фея...	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сказки кофейного фея
Семейный роман-авантюра.
Рассказы. Новеллы.
Светлана Анатольевна
Макаренко-Астрикова

*В тексте этой книги полностью сохранены, авторский стиль,
орфография и пунктуация.*

© Светлана Анатольевна Макаренко-Астрикова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Ветер августа...

...Носишься целый день на расплавленной от жара и пыли машине по городу, впитывая в себя раскаленный зной автострады, гул лифтов, бесконечность лестниц, напряженную тишину аудитории, хриплость собственного голоса, неровность пульса, привкус железа во рту, запах грозы над городом.. В дачном поселке оказываешься ближе к вечеру. Боишься выпустить наружу эмоции, они уже – не нужны. Просто, бросаешь на сиденье чехол от планшета и удавку галстука, наконец – то освобождая горло.

С хозяином маленькой старой дачи, договариваешься, засучив до локтя рукава пропыленной рубашки. Хорошо, что она серая..

Договариваешься быстро. На удивление быстро. Проворный, сухонький старичок, с глазами цвета выцветшей бирюзы, расплывшимися по рыби за тусклыми стеклами огромных линз в массивной «профессорской» оправе быстро проводит тебя по крохотному участку, обсаженному про краям вместо забора яблонями и жимолостью. Впрочем, рядом пусто и тихо: заброшенный участок без строений, с заржавевшим журавлем круглого осыпавшегося колодца в середине. Такой контраст с ухоженным буйством шафрана, роз и флоксов рядом, с журчанием воды в трубах и шлангах, на которые всерьез опасаясь наступить...

Домик на удивление – большой. Двухэтажное, немного обветшалое изящество резной деревянной коробочки с мансардой, светлой, с пропыленными окнами в темном каркасе отлакированных» мореным дубом» рам на пол – стены, со старинной мебелью: высокой буфетной горкой, круглым столом на изящной ножке, стульями с прямыми отлакированными спинками и пятном потертого шерстяного ковра на полу. В углу, над круглым камином, почти очагом, зеркало и треснувшая ваза, с нарисованной на ней румяной пейзажной с маком в руке... Такая прелесть. Не подделка, настоящий саксонский фарфор, немного облупившийся. Можно подклеить, отреставрировать...

На столе стоит обыкновенная старая, «сталинская» еще, тонкая и высокая ваза – бутоньерка для одного цветка. В ней свежая роза бледно —желтого цвета. Лепестки не раскрыты.. Дом не кажется заброшенным, запустевшим. В нем витает едва ощутимый аромат увядания. Только начавшийся..

– Как похоронил супругу в прошлом году, так нет здесь мне житья, да и сын зовет к себе, за Волгу, домик там мне с внуком купили.. Если хотите, можно убрать мебель, вещи, соседи интересовались, – чуть растерянно бормочет хозяин, прикасаясь к моему рукаву..

– Нет, нет, пусть все остается... – улыбаюсь я и думаю про себя: «Хорошее будет добавление к ее коллекции гипсового «антиквариата».

И камин – очаг пригодится. В нем сгорят мои старые тетради с записями и конспектами, уже ненужными для работы, длинные листы со столбцами выписанных слов, лексем, морфем, синонимов, омоформ, дифтонгов и монофтонгов. И ей понравится камин. В нем она, наконец, сожжет свое прошлое, то, которое было до меня. Она не хочет, чтобы я читал его. Знал его. Оно – прежде меня. Ее прошлое – с болью, отчаянием, потерями и обретениями, познанием сути себя самой и своего творчества, тайны своей строфы и ее загадок.. Я знаю, что из всех этих обрывочных новелл и каждодневных изящных записей могла бы выйти отличная книга, но разве ее можно убедить сохранить то, что она желает забыть? Так неистово. Упорно. Упрямо. Я могу понять ее. Отчасти. Она желает забыть, потому что в этом прошлом таилось

и спало начало ее болезни, отнимающей силы теперь, толкающей ее в истоки страха, как у едва появившегося на свет младенца, робеющего перед миром.. Она не хочет возвращаться в этот ползучий страх. И я не пушу ее туда. Ни за что и никогда. Встряхиваю головой, силясь освободиться от мыслей, оглядываюсь в поисках хозяина. Ах, да, он давно ушел, получив хороший задаток. Более, чем хороший. Документы оформим завтра, в дачной управе, где постоянно сидит толстая дама средних лет, в выцветшей соломенной шляпе – канотье, свободной цветастой тунике, полосатых шортах, и «булыжным» жемчугом на загорелой, оплывшей, бороздчатой шее, сонно жующая нескончаемое яблоко. Когда я увидел моего» кофейного фея» впервые, на ее гибкой шейке тоже было жемчужное ожерелье, но оно лишь неслышно, тонко, нежно подчеркивало ее хрупкость и воздушность.

...Она сидела перед окном, в раме вечерних, плывущих, очень низко плывущих, февральских туч и туго спеленатого небом заката с красноватыми брызгами зари. Шторы были не задернуты, и, войдя в распахнутые двери, я оторопел от увиденного... Нежданного. Неожиданного.

Одна ее крохотная ножка была с тщательностью обута в изящный, кожаный босоножек, другая – нет. Она покачивала ею тихонько, неслышно, переворачивая страницы какой то книги, склонив голову к плечу, и то и дело прикасаясь к жемчужным бусинам на шее, словно они мешали ей.

Пожимая ее теплую, мягкую руку с длинными артистическими пальцами и сильной ладонью с двумя мозолистыми бугорками от строгих изящных колец, среди которых тогда не было – обручального, отвечая на ее приветствие, сказанное мягко и как то тепло и сердечно, я уже понимал, что никуда не уйду отсюда. Ни сегодня. Ни завтра. Ни через сотню лет. Ибо мое сердце сразу, моментально, гибельно и прочно, упало к ее ногам, не замедляя ритма, как испуганный заяц, и билось прямо перед крохотными пальчиками в тонком прозрачном капроновом чулке, с крохотной дырочкой на шве...

Да – да, я понял тотчас же, бесповоротно, непреложно, что никогда и никуда больше не уйду от ее духов, контура ее колен под велюром или шелком платья, под едва заметным абрисом белья. Не уйду от очертаний ее шеи, локтей, от ее листков, шуршащих в блокноте. От ее строф, троеточий, черточек, штрихов, длинных тире, рассыпанных, чуть небрежно и насмешливо, незримо, по ободу круглого столика с одинокой розой в керамической вазе.

...

От ее запястий, окованных браслетами, простыми и изящными, как она сама. Из потемневшего, недорогого турецкого золота и цирконитовых камешков. От мягкости ее нежных губ, слегка закусенных – почти всегда в попытке избыть грызущую ее прочно, изнутри, боль. От ее голоса, магия которого – в приглушении вечной лавины нежности и солнечного интереса к миру, к тебе – лично, ко всему вокруг... Лавины, извергающейся тотчас, моментально из раскрытого, распластанного на ее ладони сердца. Любимого мною. До безумия.

Не уйду никуда, пусть хоть сто тысяч раз схлынут и разольются вновь под моими ногами летейские воды...

Первым моим и самым естественным желанием тогда было: сесть прямо на пол, у ее ног.

И я сделал это, отбросив в сторону трость и пальто... Она ничуть не удивилась, только перелистнула страницу в книге и, положив руку мне на голову, нежно ероша волосы на моей макушке, принялась читать вслух, прямо с середины...

Под моими губами, ладонью, птенчиком, испуганным, любопытным, нежным, билась тонкая жилка – вена на ее округлом колене. В другой руке я держал крохотную стопу в тонком капроновом чулке, трепетно разминая пальчики, уставшие, капризные, чуть испуганные замершие вопросительно, в ожидании непонятного еще ни ей самой, ни ее сердцу... Мне каза-

лось тогда, что их легко сломать даже просто – дыша. И я – затаил дыхание... Как оказалось, на все время, пока она рядом...

Улыбаюсь про себя этим долгим и не прошенным совсем воспоминаниям, стягивая через голову рубашку, бросая ее прямо на запыленный пол столовой. Немного потирая ноющее левое колено, снимаю брюки. И, направляясь к маленькому чуланчику с узкой душевой кабинкой в правом углу квадратного коридора, наугад нажимаю кнопки сотового. Он светится тревожно. Два пропущенных звонка. Набираю тотчас. Она, наверное, уже сходит с ума! Давно...

– Алло, любимая, это я! Я задумался, прости. Не слышал звонков. Нет, все в порядке. Да, хорошая дача. Мне понравилась. И тебе понравится. Я думаю. Есть камин. Много яблок. Ты же их любишь! – Я улыбаюсь. – Нет, нет, я приеду часа через три. Конечно. Только приму душ. И приберу здесь. Да. Ну, немножко так.. Как я могу тебя привезти тебя в какую то пыль, кроме – шоколадной? Ну, какие шутки, голубка, что ты! Я серьезно. Ты пока собирайся? Ты сможешь? Белье?.. Какого черта, зачем тебе оно в такую жару?!.. Ах, простыни.. Да, конечно.. Я думал, ты говоришь про свое белье.. – Я хрипло смеюсь. Тревога моментально тает. Она сказала, что сможет собраться сама. Потихоньку. Это так хорошо.. Значит, ей лучше, и голова не кружится, и жара нет... И боли – не мучают. Главное, что – не мучают боли... Только бы это длилось, как можно дольше.. Как можно.... О, боже.. – Я продолжаю вслух, судорожно проглотив горький комок в горле:

– Только не бегай.. Пожалуйста. Ходи осторожно. Не спеши. Без меня – не спеши. Хорошо? Мы все успеем. Я знаю. Но все равно, не бегай.... Да, и не забудь пудру..И все, что там нужно моему фею: перышки, крылышки, крема, духи, помаду... Что я еще забыл, голубка моя, скажи мне? Я улыбаюсь во все тридцать два зуба. Жаль, что она не видит! – Ну конечно. Все, что ты хочешь: шоколад, книги, кофе, карандаши, мыло, шампунь, бюстье, кружева, шелк.. Самый тонкий, ведь иначе я все равно его порву, ты же знаешь, любовь моя.. В первую же ночь.. И – в другие.. Обещаю. Твердо.

Я стараюсь сохранить в голосе полную серьезность и академический холод. Не получается. И- хорошо. Потому что теперь – уже она – хохочет в полный голос, называя меня» бедным, своим, сумасшедшим мальчишкой». Тонкие, солнечные колокольчики, звонящие во все время разговора внутри моего сердца, мгновенно рассыпаются, плавятся оловом, обливают, обдают жаром и ветром.. Легким ветром августа, под вечер хлынувшим с крыльца в широко приотворенную дверь... Я включаю рычаг душевого крана, и прохладная вода, потоком хлынувшая на меня, не проясняет тумана мыслей в моей голове. Мыслей о ней...

Глава вторая. Босой ангел...

– Да нет, Мишка, ну, ты же понимаешь, она должна сидеть уверенно, а что это пласт-масса – треснет при первом движении. Лучше – деревянная скамеечка.

Мы с моим другом – художником долго ходим по тем рядам на рынке, где выставлены столярные изделия: столики и стулья, скамьи, шкафы и горки, нарезные доски и полки. Столик на резных ножках мы уже купили, шкаф для книг в духе «ниша – антик» – заказали, а теперь, на удивление продавцов, час или полтора выбираем скамеечку для душа, тщательно ощупывая ножки.

Мишка Ворохов берет в руки низкую деревянную скамеечку с широким сиденьем, свежеструганную, еще не отлакированную, прищуривается, подмигивает коренастому продавцу, с живым, хитрым загорелым до черноты лицом:

– Дед, как думаешь, прочно? А если почернеет от воды?

– Так я покрою лаком на два слоя, если Вам нужно. – Скользя по Михаилу взглядом он тотчас обращается ко мне, словно угадав, что мне скамейка – важнее, чем франту Мишке, с волосами до плеч в джинсовой рубашке голубого цвета с клапаном на левом кармане. В кармане денег нет. Он – «ложный», карман. Это «дед» – торгаш – тоже быстро понял.

– Эта вот подошла бы. Ножки прочные. Давай – сразу возьмем? – внезапно разозлившись на хитроватые взгляды торговца, хрипло говорю я Мишке. – Ты, сам, что, не отлакируешь?

– Отлакирую. – Спокойно и весомо бросает Мишка, положив мне руку на плечо успокаивающим жестом. Еще и – разукрашу. – Держи, дед.. Сдачи не надо! – Мишка царственным жестом бросает в пластиковый контейнер – банку смятые купюры с «нудистом — апполоном» – штук семь, не больше.

Дед протестующе разевает рот, но мы быстро отходим к нашему «рено – кенгуру», с задраным вверх люком и открытым багажником. Мишка поправляет что то, сворачивая складной столик, пока я усаживаюсь на водительское место.

Спустя минуту, машина рвет автостраду на две полосы, правую и левую, слышно как в багажнике глухо стучаются друг о друга коробки с вещами и падают книги.

– Идиотизм! – я нервно барабаню пальцами по рулю, в навигаторе что пищит, металлический голос противно проскрипывает: " Вы повернули влево» – по русски, по английски, черт!

– Да, я знаю, что повернул влево! Я не идиот полный еще! Заткнись! – беззлобно кричу я мигающей, красной панели. Мишка хохочет.

– Успокойся, Грэг, все нормально, чего ты...

– Ну, да, конечно, все о`кей, все руководят, все обдирают, все норовят надуть.. Я утром в клинике был, спрашиваю этого бегемота в очках, как быть, ее тошнит по утрам, а он меня утешает:

«Все нормально, это при лейкемии так бывает.. У нее же не острая форма.. Сейчас уже нет»... Черт!

– А моноциты? – Мишка осторожно просовывает мой ремень безопасности в зажим. Защелкивает. Я забыл пристегнуться. Предательски ноет левое колено. Как всегда, когда я бешусь, спешу, ревную. «И много куришь!» – непременно добавила бы она. Но ее нет рядом.

– А черт их знает! Он три часа что то мямлил, я не разобрал.. Еще не в норме. Я не думаю вообще, что эта бегемотина соображает в моноцитах. В задницах у сестричек молоденьких он больше соображает. – Я делаю определенный жест, поворачивая кисть к виску, как пистолет

– Грэг, на дорогу смотри! – Мишка сжимает мое плечо, бросает сигарету в прикуриватель. – Давай, я поведу. Ты с утра за рулем... Устал.

– Я сам. Все нормально. Тут осталось.. Сколько тут.?. Сто, двести.. Я сам. – Мои пальцы сжимают руль, так что костяшки слегка белеют. – Просто- жара.

– С ней Аня там... Не волнуйся. Она ее не выпустит на улицу в пекло. Потолок высох? Быстро?

– В тот же день. – Я внезапно становлюсь спокойным, почти умиротворенным. Скоро увижу ее. Осталось каких то двести километров...

– Сто пятьдесят. – Словно угадывает мои мысли Мишка и, расслабившись тоже, откидывает голову назад, закрывает глаза, начинает насвистывать что то. Рея Чарльза. Шадэ? Не могу угадать.

...Всего три дня назад Ворохов упорно передвигал стремянку на веранде моей новоприобретенной дачи, расписывая потолок солнечными брызгами, сиреневыми гроздьями, и чем то еще.. Птицами, с непонятным, феерическим просто оперением.. Павлины, фазаны.. Бог ведает.. Разве залезешь в Мишкину божественную голову и поймешь, что там?! Этому ему стало мало. Пока мы с нею носились на машине туда сюда, разрываясь между коробками с книгами, посудой, бельем и другими мелочами, которые непременно, по ее разумению требовательной хозяйки, должны были быть на даче, Мишка умудрился оббить розовым фаем на шелке комнату второго этажа, сделав из нее какое то нежное подобие версальского будуара, безжалостно вышвырнув оттуда все старье: сломанные, хриплые часы с боем, продавленную кровать, скрипучий плательный шкаф.. Взамен всего этого он откуда то притащил софу на бамбуковом каркасе с очень легким матрасом, вместительную и удобную для нее, два кресла в такой же гамме, и ковер. Розовые и белые лепестки пионов, выпавшие на пол из саксонской вазы.. По ковру она наотрез отказалась было ходить, но увидев Мишкины страдающие глаза, круглые от недоумения, рассмеялась, и осторожно наступила на пионовый лепесток своей крохотной ножкой..

Но больше всего ее обрадовал стол: обыкновенный письменный, оббитый потертым синим сукном, с верхним бюро и ящичками, на толстых львиных ножках. Его привезли на старом пикапе два каких то подозрительных черноволосых жиголо в желтых рубашках с оторванными карманами.. Таких я видел несколько раз в наших пыльных антикварных магазинах, в салонах с блю – тузами, гаджетами и всей прочей модной ерундой, но никак не мог подумать, что они еще и грузчиками могут быть.. Впрочем, при Мишкиных то чаевых.. все возможно. Это сегодня он вел себя не так, как всегда. Сегодня. Да...

Сворачивая на шоссе, ведущее к дачному поселку, я с облегчением вздыхаю, чуть прибавляю скорость, и уже через десять минут перед нами – распахнутые ворота, свежее выкрашенная калитка, гряда шафрана.. И Аня Ворохова на крыльце, в бейсболке, шортах, полинялой рубашке из мягкого ситца и ворохом мокрого белья в корзине..

– Что?! – Мы оба вылетаем из раскаленной железной коробки, как пули. – Что случилось? Что- то с ней? ... опять приступ?

– Нет. Все нормально. Анька ставит корзину на крыльцо, вытирает нос ладонью, как пацаненок.. – Стираю просто. Это шторы. Я прямо их мокрые сейчас на окно повешу... Солнце невыносимое..

– Где она?! – Не слушая Анькин лепет, забыв про Мишку, я несусь на второй этаж, роняя на ходу из карманов рубашки и брюк ключи, портмоне, что то еще... Влетаю в розово – шелковое великолепие, во все эти брызги солнца, и замираю на пороге. Она стоит на стремянке, подняв руки кверху, держа в них воздушное облако тюля...

– Боже мой, наконец то.. И весь обед остыл давно... Мы вас ждем – Она улыбается, как то мягко, чуть виновато.. – Я и позвонить Вам забыла... Прости. Вы заказали шкаф? Книги на полу..

– Да, все нормально. Завтра к вечеру – заберем. А зачем ты наверху?. Слезай. Голова закружится.

– Мой голос обретает командные ноты. К щекам приливает кровь. К вискам – тоже. Только что до меня дошел весь ужас того, что могло бы быть...

– О, боже! Сейчас же слезай! Как ты забралась туда?

Я хватаю ее в охапку, стягиваю вниз, тоненькую, легкую: под тонким зеленым платьем нет почти ничего.. И на ногах крохотные белые носочки. Она – суший ребенок.. Держа ее в руках, упав с нею на софу, я ожесточенно разминаю пальцами ее стопы, пятку.. мизинец.. Их стянуло судорогой. И как она стояла на перекладине?!

– С ума сойти, как ты залезла туда, зачем? Босая! – я, в изумлении смотрю на нее, и вдруг – смеюсь, запрокинув голову. Холод ужаса отступает, как ливень летом, обдав сердце ледяной волной.

Мизинец, ее крошечный мизинец, теряется в моей ладони, в моих длинных пальцах... Я все еще не привыкну к ней.. Что она придумает в следующий момент? Какую проказу, шалость? Какой страх поселит в моей душе? Увидеть ее распластанной на полу с разбитой головой, виском, в облаке тюля.. Что еще меня ждет? «Моноциты не в норме, гемоглобин – ниже среднего, скорость оседания эритроцитов прежняя, головокружения поэтому не избежать, рвоты тоже. Через месяц полтора повторим плазмозферез» – что еще там мямлил этот жуир в очках? Не вспомню...»

– Мне больно – вдруг всхлипывает она обиженно, вздыхает хрипло. – Отпусти. Ты мне палец сломаешь.. Больно, правда, Грэг...

– Прости. – Я моментально прихожу в себя.– Прости, ma petite cherry.¹ не делай так больше.. Ты меня перепугала. Если бы ты упала вдруг, ласточка, голубка?! Что тогда?!

– Надо было шторы повесить.. Она – прочная, стремянка. – Она ахает вдруг и слезает с моих колен, как своенравный малыш. – Тюль повалил.. На пол.. Ну что это такое? И грязное повесим, что ли?.. – она в недоумении смотрит на меня закусив нижнюю губу, ресницы сердитыми шмелями порхают вокруг бездонных глаз.. Приехал тут, на своем «рено»!.. Распорядитель бала, видите ли! – ворчит она. – Иди вот отсюда.. Иди – иди... Где Аня? Аня! – кричит она, не слушая меня. – Анечка, он тюль на пол уронил, что делать, опять стирать? Балда такой, профессор называется...

– Не надо стирать, – останавливает ее на пороге с охапкой тюли Анечка. Сейчас вот его заставим все это вешать, негодника. – Не волнуйся, что ты. Все хорошо. И обедать давно пора...

– Да, давайте в самом деле уже, малость слопаем чегонибудь, а? – Ворохов вносит в комнату свежепокрытую лаком скамейку —Madame, посмотрите только, как здорово! Вам нравится? Эксклюзив для Вас. Чтобы Вы не бегали, а только сидели.. В душе там или где еще.. В саду.. Ланочка, ну тебе нравится?

– Да. – Она кивает. Красиво как... Жалко будет мочить.

– Не смейся. Не бойся. Это итальянские белила. Такие – особенные – самоуверенно улыбается Мишка, и лезет на стремянку. – Ну, где тут Ваши завесы? Грэг, давай пошустрее, а то у меня живот подвело..

– У меня тоже. Я держу.. – рассеянно киваю я, пытаюсь удержать в пальцах мокрую тяжелую тюль, растянуть ее вдоль окна... Солнце бьет мне прямо в глаза, и я не вижу, как она выходит из комнаты, прикрывая дверь, почти на цыпочках. Мой своенравный ангел в белых носочках... Босой ангел....

---

¹ здесь – в значении – мое сокровище (франц.)

Глава третья. Серебряная молния...

...Этой ночью мне в колено опять вставляют острую спицу и вертят ее там, раскаленную докрасна или добела, не знаю.. Просто – ору, кричу от боли, поминаю черта и Бога, проклиная Париж, Венецию, Милан, Берлин вместе взятые.. И, потом, когда боль отпускает – моментально, как это бывает только во сне, я ощущаю на своем бедре ее руку, теплую, мягкую, с двумя шершавинками мозолей, в углублении между бугорками: от колец... Я люблю целовать ее мягкую ладонь, бугорки, пальцы, их начало, их середину, с чуть широкой, чем обычно, косточкой, и кончики пальчиков, мягкие, тонкие... На них будто совсем нет кожи..

– Всю кожу на клавиатуре стерла! – смешно ворчит иногда она, кусая пальцы, которые не переносят и слишком горячих стенок обычной чайной чашки.. Так то.

– Нет, любимая! – смеюсь я, переливая ее горячий чай в чашку еще меньше, чтобы остудить, – у тебя просто на каждом кончике пальца – сердце..

Я просыпаюсь оттого, что это самое сердце пульсирует на моем бедре, в ее ладони, в ее дыхании, в ее губах. Она наклоняется надо мной, осторожно целуя меня в лоб, в щеки, в глаза, ласково плавая голосом кошмар боли. Смиряя мой гнев и тоску.

– Горушка, что с тобой?... Что такое? Что тебе приснилось? Ты так кричишь, любимый.. Так больно? Опять больно? Что тебе дать? – Она зажигает свет, мягкий, сбоку, плафон лампы накрыт каким то ее платком, не бьет в глаза. Она поворачивается, садится на край софы, наступает, босая, на пол, опираясь крохотной стопой, что то осторожно ищет в нише изголовья. стакан с водой, мягкий, мятный шарик таблетки.

– Не надо. Так пройдет – Я отодвигаю ее руку. Осторожно, поддерживая ее под спину, чтобы она не упала, сонная, босая, маленькая, с широко раскрытыми глазами, в которых еще – по кошачьи, изнеженная, чуть ленивая, ночь. – Я потерплю.

– Нельзя терпеть боль. – Категорически качает головой она. – Выпей. Это на погоду так больно. Ветер... Гроза будет. Ну, выпей, любовь моя, я прошу..

– Откуда ты знаешь? Что – гроза? – Я внезапно и резко сажусь в постели, забыв про колено, терзавшее меня огненными стрелами.

– Руки болят.. – Она смотрит на меня, не мигая, сквозь ресницы. – Мазать не хочу.. Не люблю. От женщины должно пахнуть цветами или ванилином, а не эвкалиптом). Закусывает нижнюю губу, и смеется, тихо, сонно, Нежный колокольчик словно рассыпался лунными брызгами..

– Хорошо, что закрыли окно на веранде... – Она осторожно кладет мне в рот таблетку: ненавязчиво, легко, мягко, как ребенку.. – Вот так. Хорошо... Такой мальчик. Упрямый... У меня тут живет.. Всегда ты у меня – тут... -Она показывает себе под грудь, куда то с левой стороны.

Я точно знаю, что у нее там целых три родинки. Одна почти что на самом кончике... Таким мягком, но капризном... Три родинки, как трюфели. Вечное трюфелие в ее летящих строчках, чуть наискось..

Заложив руку за голову, в позе отдыхающего римлянина, я смотрю на нее, изящную, в облаке смятой сном ночной сорочки, с развязанными бантиками или бретельками и совершенно ненужной пуговицей у горла. Она же может оцарапать ей шею... О, боже мой!

«Какой идиот придумал это!» – яростно шепчу я, закрывая глаза, и когда она наклоняется ко мне, чтобы взять из рук стакан с водой, я откусываю пуговицу на сорочке, держащуюся на честном слове, и выплевываю ее, будто вишневую косточку...

От неожиданности она вздрагивает. Но вода в стакане не расплескивается в такт ее смеху. Там мало воды. Я выпил почти все.

– Напугал... Зачем? – Она с нежностью гладит меня по волосам... Господи, да у тебя жар! Ты мокрый... Аспирин нужно...

– Это лишнее. И сорочка – лишнее! – подмигиваю ей я, пытаюсь отвлечь. – Не люблю лишнего в совершенном, любимая. – Улыбаюсь. – И притягиваю к себе. Хочется, как всегда – рывком, смять всю, и прорисовывать губами, снова и снова, все ее тело: мягкое, сонное, солнечное, с теплым чуть подтаявшим, как карамель или лед, запахом мяты, яблок, шафрана, лилии... Чего то еще.. Морской соли, ветра? Приближающейся грозы? Не знаю.. Хочется выпить ее всю, залпом, разом, как глоток воды, холодной, еще холоднее, чем в колодце, Но.. боишься увидеть затаенную боль меж этих мягких ресниц, в глубоких глазах.

И все же.... Сорочка летит, сброшенная, куда то в конец постели, в изножье смятого в нетерпении покрывала, маленького валика подушки, на который она обычно перед сном кладет немного отекавшие ножки...

Мои пальцы нервно играют на флейте ее позвоночника, губы терпеливо повторяют очертания ее шеи, плеч, груди, очень мягко, но душа, замирая, словно пылает. И теперь огненные спицы уже в ней, а не в колене. Только в ней. В душе.

– Осторожнее... – Она смотрит на меня с какой – то глубинной и голубиной, птичьей, небесной, нежностью. На ее лицо косо падает лунный свет.. – Ты – как ураган.. Я не исчезну.. Не растаю. Я здесь. Вся. С тобой.. – Ее губы чуть раскрыты навстречу моим. – Осторожнее, милый.... Этот бамбук мне доверия совсем не внушает... – Она слегка похлопывает ладонью по софе. И нежно и лукаво улыбается

****

– Тебе так страшно? – Я чуть поддразниваю ее, затаив дыхание.– Улыбаюсь.– Если упадем, то вместе.. Я же буду держать тебя. Крепко. Так крепко, как сумею.. Не бойся, моя любимая..

– Мне с тобой не страшно.. Никогда. Ничего. – Внезапно серьезно отвечает она. – Только, когда ты, вот так, рядом, мне этот мир – не враждебен. Он не рвет меня на кусочки, не ест, давясь, с прожорливостью Хроноса, Зевса, кого там еще?! Выплывая мелкие косточки, перышки, клеточки, что там есть во мне..? Она пожимает плечом. Полуприкрытые ресницами озера глаз с любопытством следят за тем, как мои пальцы исчезают в нежных глубинах ее бедра, касаясь тончайших нервов кожи, едва заметной паучьей сетки шрама... Если бы только мои касания могли стереть его. Напрочь. Навсегда.

Я ловлю губами ее нетерпеливый вздох, вычерчивая поцелуями тень на виске. Лунную тень..

– Что есть в тебе, la divine? Что есть? Женщина.. Настоящая. Подлинное сокровище. Только – мое. Мое. Ничье больше. Я сейчас покажу тебе... да.. Сейчас. Ласточка моя, дыши глубже... – с хриплым вздохом шепчу я, куда то ниже ее шеи, под ключицу, где ямкой пробивается пульс.– Девочка, сейчас ты летишь.. Летишь, да, голубка? Прямо мне в сердце... Как пуля... Как молния... Серебряная молния.

***

Первая молния разрывает глубину ночи, точно так же, как мое естество разрывает, взрывает изнутри то мягкое, глубокое, нежное, что есть в ней, что всегда было. Что присуще только ей. С чем я незримо сливаюсь, как с океаном, чтобы утром опять проснуться чуть вдали от нее, очнуться, держа ее на своем локте, на своем плече.. Совсем рядом. И снова ощутить как в каждой клеточке ее тела, на самых кончиках пальцев бьется сердце... Мое? Ее? Не разобрать... Не различить.. Не нужно различать... Не стоит..

Глава четвертая. Картина для фея...

– Ну и что ты мне предлагаешь? Отдать все за аренду и остаться без штанов? – Мишка вытряхивает пепел на подоконник и смахивает его ладонью вниз, куда то на рабатку шафрана... – Лешке в гимназию через неделю, еще плату не внесли.

– Ничего я тебе не предлагаю. – Молоток в моих руках продолжает равномерно стучать по розовато – белому пластику мяса. Постепенно маленькая веранда наполняется запахом прожаренного бекона. – Смотри, пригорит! —

Беззлобно чертыхаясь, Ворохов перекладывает со сковородки на плоское блюдо кусочки бекона.

– И где тут Ваша турка? – Он оглядывается по сторонам, в поисках емкости, в которой можно сварить кофе. – Не привезли, что ли?

– Не привезли. – Нарочито спокойно отвечаю я. – Возьми на полке. Вот та, черная, от прежних хозяев...

– Маленькая она. – Мишка пожимает плечами, вертя в пальцах указанный предмет. – Нам не хватит на четверых. Еще и Лешка примажется... – Но послушно ставит турку на почерневший металлический поддон с речным песком, осторожно зажигая газовую конфорку и крутя флажок.

– Лешке чаю с молоком. Или какао с печеньем. Какое ему кофе! – Мои брови в недоумении ползут «домиком» – вверх, и я тотчас забываю какую из розоватых пластин бекона только что отшлепал молоточком...

– Я и сам не разрешаю это баловство! Но они же с Анькой как начнут вдвоем канючить! – Мишка, фыркая, еще несколько минут возится с газовой конфоркой, смотрит в окно, потом бесшумно, в два прыжка, вылетает вниз, и вскоре я слышу Лешкин визг, совершенно поросячий от восторга, потому что Ворохов окатывает сына ведром прогретой на солнце воды, стоящей на ступени крыльца.

– Леша, ну – ка, постой, я вытру тебя! Ах, этот папа, озорник какой, облил ребенка.. Постой, не вертись, я полотенце возьму! – ее характерно мягкий, приглушенный голос, с музыкальными нотами струящегося в траве ручья, нажимает на какую то сердечную клавишу или клапан внутри меня. Я зажмуриваюсь. Глубоко втягиваю ноздрями смешанный с солнечной пылью запах шафрана, несущийся в окно...

– Миша, ты и меня облил, кажется! – Она всплескивает руками и тихо хохочет, словно на крыльцо внезапно падает серебряная ложка..

Мобильный, черт! Опять эта кафедра!

– Алло, слушаю.. Да. Я. Завтра в три, да.. Буду. Ведомости у Воронцовой.. Группа? Должна быть.. Человек десять... Не больше..Да, спасибо. Все.

Отключаю светящийся, жужжащий квадрат, прижав его плотнее к щеке: руки – заняты.. Еще четыре кусочка. Кофе медленно закипает, дразня ароматом деревянные балки потолка, чуть скошенного, плоские узкие шкафы со стеклянными дверцами, слегка мутные от жира. Не все еще дотерли, не все вымыли..

В дверь просовывается немигающий, как омут, зелено – черный глаз, сопящий нос, в рыжинках веснушек, и выгоревшие на солнце темные вихры, с бело -желтыми соломинами прядей. Изрядно Лешку в голову целует летнее солнце, почти без усталости! Я подмигиваю сопя-

щему носу, и Лешка тотчас же протискивается в щель между косяком и дверью, протягивая мне корзинку с яблоками и головками шафрана...

– Это тебе... Она сказала для обеда...

– Спасибо. Что еще она сказала? – я улыбаюсь.

– Ничего. Я за ней смотрю. Она ходит потихоньку. Не бойся. – Лешка доверительно прикасается прохладной ладошкой к молотку, зачем то пробует крупинки соли, прилипшие на палец. Зрачки его изумленно расширяются, щеки краснеют, он чихает, смешно, фыркая, как маленький котенок:

– Фу – уу.. Соленое, горит.. Зачем?!.. Мясо такое будет?

Я киваю.

– Это для взрослых.. Тебе другие кусочки. В яблоках..

– А картошка будет? – Лешка берет из корзины яблоко и вгрызается в него зубами, с хрустом и писком.

– Обязательно. Картошку будем печь в костре. Скажи отцу, пусть ищет хворост..

– Ура! – Шлепая босыми ногами по деревянным ступенькам, Лешка несется вниз, подпрыгивая и насвистывая – Пионерская картошка будет.. Ура...

– Лешенька, а где твоя панама? – сверху из окна мансарды доносится ее голос. Она успела когда то подняться наверх. – Надень, пожалуйста, жарко, голову напечет.

– Я знаю. – Судя по голосу, Лешка стоит под окном, прямо на рабатке шафрана. – Не высовывайся, голова закружится, упадешь.хлопот потом с тобой не оберешься.. И Грэг тогда точно про костер забудет.

– Хорошо. – Удивленно произносит она, чуть растягивая буквы. – Я не высовываюсь. Надень панаму.

Лешка вытаскивает из кармана шорт смятый клинышек, на бегу накрывает им соломенно – черные вихры и его загорелая спинка с острыми треугольничками лопаток, стремительно исчезает за углом домика.

– Совсем взрослый.. Командует, – с тихим смехом она входит в кухню, держа в вытянутых руках круглую майоликовую тарелку – синие цветы по белому ободу – наполненную малиной и крыжовником.

– Правильно командует. Не ходи по жару. – Верхняя пуговица на лифе ее изумрудного, цвета глубокой травы, платья с V – образным вырезом на спине и открытыми плечами, слегка наклонена вниз, грозя оторваться.

Пуговица – декоративная, и ничего не значит, не открывает, но, бог мой, почему то хочется, чтобы она оторвалась быстрее... Ее плечи пахнут шафраном, малиной, солнцем...

Чувствую это на расстоянии, глубоко втягивая ноздрями всю ее, согретую августом, лучами последних дней лета, овеванную ветром, в котором запутались басовитые шмелиные ноты, иглами астр, медовый сок яблок, загустевший в сахарном сиропе заката...

– На варенье набрала... Не ожидала, что много так – Она, тихо улыбаясь, протягивает мне на ладони несколько крупных малиновых ягод. – Я наклоняюсь, беру их. Прямо губами.. На плите что то медленно, по змеиному, шипит.. Но кофе не успевает убежать. Она выключает газ и дует на поднявшуюся в турке шоколадную шапку. Пузырьки на шапке лопаются и турка снова – спокойна, кофе важно прячется в ее медное, раскаленное нутро.

Ее указательный палец нежным сгибом очерчивает, повторяет контур моей щеки.

– Щетина опять.. Ты на пирата тут с нами станешь похож.. Аня звонила?

– Звонила... – Мои губы касаются знакомых бугорков на ее ладошке, измазанной малиновым соком, скользят вниз, к запястью, где видна тоненькая нитка браслета с маленьким сердечком в середине. – Едет.. Просит без нее не обедать.

Пульс у нее размеренный. Но какой то – чересчур размеренный. Не успел сосчитать.. Шестидесят? Меньше.. Пятьдесят? Она не отдыхала опять..

– Любимая, – Я держу губами ее запястье, наклоняюсь ниже, чтобы она не видела, как от отчаяния сужается там где то в глубине мой зрачок и острее становятся углы рта. – Это варенье мне не нужно. Никому не нужно. Нам всем нужна только ты.. Одна ты. Ты должна быть осторожна. Не ходить по солнышку. ... Плечи обгорели, смотри...

– Горушка, все же хорошо.. Я была в Мишиной рубашке. Это сквозь рубашку так.. – она смеется. – У меня такая кожа с детства... Мне тоже не хочется быть белой, как молоко, среди Вас, робинзонов в шоколаде.. Ну что ты все волнуешься?. Не надо так. Мне даже обидно.. Вот и Лешик – озорник уже твою манеру копирует, обращается со мной, как с ребенком.. – Она ерошит мои волосы, целует меня, куда то в середину затылка, нежно, на лету, быстро, как горlinkа птенца, и серьезно шепчет:

– Посади меня на стол?

– Зачем? – Удивляюсь я, и голос мой внезапно срывается на хрип – Ты что, хочешь меня соблазнить? Тут, на столе? Ну, я в принципе, не против, только..

– Нет. – Она хохочет, откинув голову назад. Хохочет до того, что на локтях у нее появляются ямочки.– Грэг, ты с ума сошел. Мне нужно достать посуду. Мишка там с Лешиком ставят стол. Посуда нужна... Я не достану. Надо вставать на табурет.

– Фу, как неинтересно, *madame...* *E pensais, vous avez mieux à l'imagination de choses**. А тут... Посуда какая то. Я сам достану все, идите наверх. И – быстро. Чтобы через пару минут я вас тут не видел! – Изображая сердитость, я умудряюсь подмигнуть ей, и, продолжая хохотать, она выходит в коридор, пахнувший свежeweымытым, «просолнечным» деревом, сохнувшим на ветру. Ступеньки скрипят, поют под ее ногами. Что они поют, мне не разобрать. Выхожу к лестнице. Она стоит на верхней площадке, совсем спустив лиф на косточке, оголив плечи.

– Любимый, а знаешь, ты прав.. Прости. Я немножко обгорела. Дай мне крем? Он там, в холодильнике – Она не смотрит на меня. Она знает, что это я – смотрю на нее. И полно ощущаю частоту ее пульса, прохладу лба, горячность кожи, нежность губ...

Это невыносимо – смотреть на нее. Темно – изумрудный шифон окутывает ее бедра, колени, щиколотки, жаркой змеей приникает к животу: тяжело и властно. Она стоит, подняв руки к оголенным плечам, едва дотрагиваясь до них, кончиками пальцев... Пронзенная солнечными лучами из потолочной ниши окна, маленькая, похожая на виолончель, потому что плечи ее – покаты и бедра возникают волшебным абрисом прямо чуть ниже талии, она не смотрит на меня. Совсем нет. Она смотрит на кончики своих босоножек. Зеленых вечерних босоножек, чуть стоптанных, запыленных, так странно обрамляющих ее крохотные пальчики без подследников.. Пальчики все черны от пыли, за исключением мизинчика, который лукаво прячется за безымянный, будто укладывается спать.. и его не видно в разрезе крохотных дырчатых босоножек... И любых других туфель – тоже. А кеды и кроссовки мой фея – не носит. Не из – за каприза. Такого размера спортивной обуви просто бы не нашлось...

– Сейчас принесу... – Отвечаю я ей, стоя внизу, у лестницы.

В этот момент в дверном проеме возникает фигура взлохмаченного Ворохова, с охапкой дров в одной руке и корзиной слив в другой.

– Ух, ты! – раздается в холле его раскатистый баритон. Дрова с грохотом падают на пол, сливы из корзины катятся куда то под лестницу. – Ух, ты, средние века, блин! Ланка, стой так, не шевелись! Стой, говорю.. Я зарисую.. Это же картина.. И ты, Грэг, не шевелись, балда.. Каждый раз свет так падает, что ли? Готовый сюжет... Ё – мое...

...Солнце слепит глаза, перемещаясь из правого квадрата потолочной ниши чуть вниз и вправо. Та картина, которую торопливо захватывает и впечатывает в смятый лист блокнота огрызком карандаша Ворохов, в моем воображении движется боле динамично и остро и разбивается, рассыпается, сразу на несколько линий, сюжетов. образов..... Но я никому не стану говорить о них... Никому.

* Я думал, что Ваше воображение работает лучше! – франц. автор.

КАТУЛЛ И ЕЖЕВИКА. ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПРОДОЛЖЕНИЕ...

... -Ну, вот, таким образом, в стихотворении Катуллы мы ясно видим это противопоставление любви и ненависти, но не как двух взаимосключающих категорий, а как усиление одной из них, несмотря на то, что Катулл тут нас уверяет, да, что любви как бы и нет.. Уничтожает все.. «Все, что она говорит, мы запишем на водеили ветром..»

– Как бы шутит, в отчаянии? – поднимается чья то взъерошенная голова. Шелестит конспект. Падает ручка.

– Ну, да. Почти так. Верное наблюдение. Я подмигиваю обладателю взъерошенной шевелюры. Чем то он мне напоминает меня самого в молодости. – В разных переводах, классических, и неочень, мы ясно видим это противопоставление, выраженное не всегда с точностью до буквализма, поскольку переводчик отходит, порой, от первоначального текста, привнося или унося себя дальше или ближе от изучаемого предмета.. Как путник или мудрец созерцатель, или художник, всегда отходит немного в сторону от картины, чтобы увидеть яснее все детали, или понять насколько далеко отнесло течением ветку бамбука, брошенную в реку...

Я оглядываю аудиторию. Пять минут до окончания пары. Кто то украдкой достает из кейса завернутый в салфетку бутерброд, откусывает изрядно заветривший с утра кусочек, кто то -крутит колпак от гелиевой ручки, сосредоточенно хмуря лоб и пытаюсь разобрать свои же каракули.

– Ребята, на сегодня – все... Если есть вопросы, пожалуйста.. Синонимический ряд и омофоны для перевода составим завтра. – Я осторожно собираю с кафедры листки с пунктиром рассказанного. – Если кто записывал на диктофоны, айпады, проверяйте! – Улыбаюсь ободряюще, давая понять, что лекция окончена.

Крышки грохочут, парты скрипят. Пронзительно. Мои студенты встают, провожая меня.. Вернее, окружая тут же, плотным кольцом. Звенит, отдаваясь гулом в коридорах, звонок, но его и не слышно почти, потому что наперебой мои «воробы», как я их называю про себя, задают мне вопросы, протягивают листы с записями, уточняют расписание, спрашивают, где можно найти книги, когда работает лингафонный кабинет, и в котором часу занимается группа семинара Тонькина и Борисенко

– Георгий Васильевич, этот Ваш долбаный Граций меня достал уже.. – Рыжеволосая, разноглазая девица в трехцветном пончо, мокалинах и выцветших джинсах, побелевших на коленях, перекидывает через правое плечо огромную сумку планшет, вытаскивая из нее красновато-коричневый, растрепанный кирпич очередной хрестоматии литературы Греции. Или Рима?

В глазах рябит от этих хрестоматий! – Вот смотрите, достала еле – еле, а там половины листов – нет..

– Страниц, Воробьева! – машинально поправляю я.

– Да мне – по фиг, какая разница, один хрен – не выучу я все равно Вашего Постерция..

Все кто стоит рядом, тщетно пытаются удержаться от смеха, Склоняясь над планшетами, портфелями, листками блокнотов, засовывая в карманы айпады, смартфоны, они фыркают, корчат рожицы, склоняют голову к коленям, отряхивая невидимые соринки с джинс и потертых курток.. Наконец, кто то один не выдерживает, смех прорывается наружу, и вскоре аудиторию двести пять сотрясает такой хохот, что в открытую дверь в недоумении заглядывают проходящие мимо..

– Нет, а чего вы ржете то? – Воробьева машет рукой, и с обидой отвернувшись от ребят, плюхается на скамью в первом ряду. – Вот я посмотрю на вас, когда сессия будет.. Пришла, блин, в эту библиотеку, там грымза какая то, в соломенном парике, «восторг Парижа», столетней давности, волосы немытые три недели: лепечет мне: «Деточка, не могу Вам выдать еще книгу: это архиварная редкость, нужно в залог что –нибудь ценное.. А что у меня ценного? Трусики от "Гермес», но я их ей не отдам, они на нее и не налезут.. У нее пятая точка – тридцать пятого калибра...

– Воробьева, Вы с ума сошли! Что такое Вы говорите – прекратите сейчас же! – яростно шиплю я на нее, дико вращая глазами, в которых неудержимо сверкает смех... Хохот непрерывающимися волнами накрывает аудиторию, гулко отталкиваясь от верха амфитеатра и скатываясь вниз..

И, во – первых, не архиварная, а архивная.. Ну, в интернете поищите, там же сейчас все есть.. Аудиокниг много...

– Георгий Васильевич, нет у меня денег на интернет. – Вздыхает Воробьева. – Я «степу» бабушке уже отдала. На лекарства. У нее вчера опять приступ был. Блин, эта стенокардия – хуже «джеффа».

Ребята, стоящие чуть ближе к нам, затихают мгновенно.

Влад Коротков, староста группы, вытаскивает из кармана пластиковый квадратик.

– Ты даешь, Летка. У тебя сравнения! До стипендии новой – еще месяц. На вот, мою карту клубную, зайдешь в "Модерн – Драйв», там тебе дадут часика три посидеть бесплатно, хватит? – Коротков, не мигая, смотрит на меня, и, чуть прикусив нижнюю губу, и выставив вперед правую ногу, слегка покачивает носком модных, серовато белых «адидасок».

Ему нравится Виолетта Воробьева. Давно. Но показать этого он не хочет. Как лидер группы и староста. Как сын и внук дипломата, «снобик», с легким налетом хипперства. Как серьезный юноша, штудирующий по ночам ритмический строй Катутла и Горация... Как мастер спорта по плаванию международного класса.

Летка Воробьева, смех и треск нашей группы, отлично знающая английский – занималась с бабушкой с детства, и полгода репетиторствовала в семье какого то богатого нефтяника, не получив за труды ни копейки, – ни в какую не хочет знаться с латынью и отвергает римлян и прочих латинян – напрочь. Уже трижды за семестр она оказывалась на грани вылета из университета. Яморщу лоб, пожимаю плечами:

– Мне кажется, три часа – вполне хватит не только на Проперция и Фалета, но и на всех латинян в куче. Если не отвлекаться, искать целенаправленно. – Ясмотрю на Воробьеву, которая усердно заправляет джинсы в слегка облезшую замшу мокасин. По – моему, она носит их третий сезон. Как они не разлезлись?

– Виолетта, – Она поднимает голову, когда я обращаюсь к ней. – Знаете что... Если не удастся найти Горация и Проперция, то можете записать на диктофон ваш рассказ сего-

дняшний, со всем сленгом и "фенечками», а мы его группой переведем на латынь. Постарайся. — Улыбаюсь. — Вы нам поможете.

В легком ошеломлении Воробьева смотрит на меня: — Георгий Васильевич, Вы шутите?

— Нет, это тема следующего группового занятия. В этот момент, разрывается, вспыхивая мерца экраном, мой сотовый, и я слышу в дребезге и треске баритон Ворохова, доносящийся до меня, гулко и неразборчиво:

— Грэг, привет. Ты только не волнуйся. Тут у нас происшествие. Фей пропал.

— Как? Что? Как пропал? Почему? Подожди, я не понял... — я чувствую, как меня медленно покрывает яростная и мощная волна холода, поднявшаяся откуда то от пяток и дошедшая молниеносно до сердца. — Она... она, что с ней? — мой голос срывается, в горле что то хрипит, клокочет. — Она в больнице? Что? «Скорая?» Говори быстрее, черт, плохо слышу..

— Нет. Она с Лешкой пропала. Не одна. Они пошли на реку. И уже два часа их нет.. Я весь поселок на три раза обошел. И речку тоже...

— Мишка, на фиг, убью! Ты обалдел совсем! — Ору я, срывая свой «академический» меццо — баритон, не обращая внимания на студентов, столпившихся вокруг. Впрочем, половина из них уже направилась к выходу. Другая — замерла около меня. — Зачем ты ее отпустил так далеко?? Она же не.. Тьфу, идиотизм... Я еду... Сейчас я... -Скорчившись от мгновенной, как выстрел, боли в колене, я медленно оседаю на скамью рядом с Воробьевой.

Она цепляется за мой локоть, что — то говорит мне, почти — кричит. Но я не слышу. Я не слышу ее. Кто — то подхватывает летящий на пол портфель, рассыпающиеся бумаги, сует мне в руки ключи от машины, трость и пальто, Стакан воды с таблеткой. Кажется, это Коротков... Я не понимаю, кто.. Неважно. Неважно — кто.

***

Потом я несусь вниз по лестнице, за мной бежит кто то из ребят. Я вижу синюю джинсовку Знаменского, нашего форварда, рассыпающиеся по плечам локоны Литягиной, которая почему держит в руках мой сотовый и время от времени подносит его к уху, с отчаянно — потеряннным видом. Она засовывает мобильник в карман моего пальто, помогая мне, уже на крыльце, попасть в рукав. Потом дорога летит впереди меня, не останавливаясь, змеясь упругой лентой и в лобовом стекле, и в боковых, затонированных.

Знаменский ведет машину отчаянно — залихватски. Как заправский гонщик. Я прихожу в себя только на повороте к дачному поселку.

— Антон, теперь направо. Так. Влево и чуть — чуть вправо. Теперь налево. И следующий поворот, синие воротца... — Боль в колене обнимает меня так властно, что я кусаю губы. И только откинув голову на подголовник сиденья, замечаю, что вцепившись в портфель с моими бумагами, рядом со мной сидит Литягина — беда и краса факультета. И тоже кусает губы. Они у нее белые. С остатками помады в уголках.

— Георгий Васильевич, звоню, звоню.. Молчат. Или — вне зоны.. Михаил Николаевич убежал опять к реке, наверное. Там еще кто — то есть? Кроме него и Светланы Александровны?

Я качаю головой. — Нет, Таня.. Будний день. А Ланочка.. Ланочка, она.. Ты знаешь..

Литягина прикасается к моему локтю

— Все хорошо будет, Георгий Васильевич. Сейчас надо сосредоточиться. Где она может быть? Знакомые у вас есть здесь?

— Нет. Я пожимаю плечами. — Мы не успели здесь нис кем еще пообщаться даже... Как то..... Молочницу, впрочем, знаю немного.

— Она может быть у нее? — Литягина пристально смотрит на меня, повернувшись впол-оборота и засунув руку в карман.

– Два часа? Да что ты! – Я улыбаюсь, нервно дергая верхней губой. Тут машина останавливается, и я выскакиваю из нее, как пробка, лечу по садовой дорожке...

***

В дом мы вбегаем все втроем, летим, кто куда: наверх, на кухню, в мансарду. Дом пуст. Двери открыты повсюду, мой ноут раскрыт на столе в столовой, наверное, Мишка опять искал арт – галереи. Посуда вымыта, по кухне витает легкий запах прожаренных гренков и яблочного джема. Не то пили чай, не то завтракали. Под лестницей лежит на синем, пластмассовом боку Лешкин игрушечный грузовичок с отколотой сверху дверцей.

Знаменский, обежав вокруг дома и участка спринт, влетает на веранду

– Никого нет, никто вроде не падал. Ничего не помято.» Скорой» не было, машины не заезжали – никакие. Аккуратно все. Дрова, вода, все в порядке.

– Георгий Васильевич, чердак открыт. – Литягина медленно спускается сверху. – Что там искали? Там сундуки, корзины, старые тряпки.. Пылища! -Литягина чихает и вытирает нос указательным пальцем. Как мальчишка.

– А Это Ворохов опять.. Предметы для натюрморта -я взмахиваю кистью, небрежно и улыбаюсь. Таня пристально смотрит на меня, и мне не хочется, чтобы она заметила, как уголки губ у меня – дрожат. Я физически ощущаю панику внутри. Но не даю ей хода.

– Едем к реке, ребята? Они могут и там быть. Погода хорошая.

– Светлана Александровна плавает? – Антон, прищурившись, смотрит в окно веранды, отвернувшись от меня.

– Немножко. Нет ее планшета. Она может сидеть где –нибудь... Вот если Лешка в воду полез, тогда – капут.. Он маленький. Ему только восемь.

– Послушный? – Литягина машинально бросает взгляд на овальное зеркало в холле, поправляет что то на воротнике куртки, и я вдруг вижу, как хмуро и зло, искоса, на нее смотрит Антон. Это отлично отражается в старинной гладкой дымке амальгамы.

– Нормальный. Как все дети. Адекватно реагирует. Ланочку любит очень. Считает, что он – старший в этих отношениях. Присматривает за ней. Такая парадигма у нас здесь. – Я развожу руками.

– Это же все от вас исходит – Литягина пытается улыбнуться мне во весь рот. Но губы ее словно растягивают холодную резиновую маску. В глазах не отчаяние... Смятение. Может быть – затаенный интерес. Но мне не до него.

– У Вас красивый дом, Георгий Васильевич – уже в машине легко выдыхает Литягина, но мне некогда отвечать на комплименты, мы почти тут же выпрыгиваем на песок берега, в ежевичные заросли, что неподалеку от небольшого обрыва. Бежать у меня тоже не получается. Зверски болит колено. Я присаживаюсь на перевернутую лодку на берегу, даю Антону свою трость вместо рогатины и он отважно исчезает в ежевичных колючих дебрях, рискуя изорвать в клочья серый вельвет модной курточки.. В течении следующих пяти минут я слышу только чертыхания, шум, треск веток... Литягина не составила ему компании: ушла в сторону поселка слева от берега.. Чертовски растянуто здесь все: коттеджи, домики, усадьбы. Около реки предпочитают отдыхать и жить местные воротилы бизнеса. Того и гляди сделают здесь охраняемую зону, или спялят весь наш поселок, к чертовой бабушке, вместе со своими сайдинговыми виллами, перепившись до опупения на очередных шашлыках. Случаи пожара за те две недели, что мы живем здесь, были уже трижды. ... Может быть, нам стоит вернуться в город? В этот чертов огромный город... Там – невыносимо, нечем дышать, она мало бывает на воздухе, но в квартире – безопаснее, все предметы на своих местах, пол -никогда не подведет, земля не плывет у нее из под ног, а во время кровавой рвоты следы быстро исчезают в струе воды под раковиной..

*****

Тыфу ты, черт, что за мысли лезут мне в голову! Я опускаю глаза вниз, и сердце мое моментально падает к ногам: в отдалении слышен пересвист иволги – так свистит через два передних зуба только младший Ворохов. Лешка. Я соскакиваю с лодки, собираюсь бежать, но Лешка уже стоит передо мной, держа в руках полную корзину ежевики и букет осенней рябины, и держа меня за рукав, хрипло шепчет:

– Идем быстрее, там фей устал... У нее туфель порвался. Думаешь, ей легко сидеть на пенке? И блокнот кончился. Она там два часа тебя рисовала и Париж.

– Какой Париж? – в ошеломлении спрашиваю я, хватаясь за Лешкино плечо мертвой хваткой. – Какой Париж, черт возьми?! Где Вы были?! Мы с отцом с ума сходим!!

– Здесь. Мы ежевику собирали – Лешкины глаза полны недоумения и нетерпения. – Сначала она, немножко, потом – я... Мы звонили папе, но телефон вне зоны. Она устала, я ее посадил, чтобы она отдохнула на пенечке. Она все время рисовала и писала что то... Мы хотели идти, но туфель же порвался, а там кругом колючки.. Чего ты кричишь, не бойся, она хорошо, только туфель вот! – Крохотный босоножек фея. Я только сейчас замечаю его в руке Лешки. Он без ремешка.

– Она ноги не поранила? – Почему то шепотом спрашиваю я Лешку, присаживаясь перед ним на корточки, и крепко держа за руку, чтобы он опять не исчез. Не дай Бог!

– Неа – ааа! – Лешка мотает головой из стороны в сторону и с его вихров сыплется солнечная пыль. – Как только туфель порвался, я ее посадил на пенечек.. Она такая смешная. Как в сказке совсем.. Маленькая. Сердиться не умеет по – взрослому. Хотела телефон даже выбросить, раз никто не отвечает. Я отобрал. – Лешка ведет меня вдоль берега к тропинке, которая поднимается к обрыву, к ежевичным лесам – чащобам. – Грэг, а это правда, что она тебе свою кровь дала? Она что, вампир?

Я фыркаю. Мне не до смеха. Но фыркаю. Непроизвольно.

– Балда ты, Лешик. Какой же она вампир? Это я, выходит, вампир. Мне же ее кровь перелили.

– Как? Из бутылки, что ли? Собрали и перелили?

– Да нет. Через трубочку. Из руки в руку. Из вены в вену. Два часа.

– Ух, ты! – В полном восторге, с каким – то затаенным страхом, смотрит на меня Лешка. – Я теперь знаю, почему ты ее любишь так, не можешь без нее. Она волшебница. У тебя ее кровь... Ты ее до смерти будешь любить. И после. Я знаю. Мне папа легенду такую читал.. И сказал потом, что это про Вас с феем. Ну.. Я это и без него знаю... Догадался сразу. Я тоже так хочу.

– Что – так? – уточняю я. Для проформы. Молниеносно ведь догадываясь, о чем речь.

– Так, как вот – ты... Чтобы не дышать. Не мочь дышать. Это – клево. Только, блин, девчонок нет же таких. У нас в классе вон, все герлы.. Задаваки.. Не хочу в гимназию эту – сердито бурчит Лешка. – Там все, блин, крутые... Костюмы модные... телефоны, айпады.. А мне отец айпад не разрешает в школу носить. Разобью, говорит. Может, и правда, – пожимает плечами маленький оруженосец – мудрец. – Там парты скользкие, с наклоном каким то.. И крестный фей говорит, что телефон нужен просто, чтобы – звонить. Или сказать: «Люблю». А если некому сказать, то его надо выбросить.. Зачем он тогда?. На, вот держи. Лешка достает из кармана поношенных вельветовых брючек телефон фея. – Звони еще отцу, а то как же идти? Ты ее не донесешь, а сама она не дойдет.

– Там Антон. Он донесет. До машины. Можно попросить. – отвечаю я севшим, хриплым голосом, с трудом отрываясь от навязчивого эха внутри меня. Эха, звучащего ясным тенорком Лешки: «Хочу, как ты! Чтобы не дышать. Ты ведь ее до смерти будешь любить. И – после».... Эха, которое говорит чистую правду. Несмотря на свой восьмилетний возраст.. Или... восьмисотлетний...?

ОСЕННИЙ ВАЛЬС ФЕЯ. ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. НАЧАЛО.

– Георгий Васильевич, да найду я, что Вы! Не волнуйтесь, руки – ноги есть – Машет мне рукой, выглянув из кухни, Литягина, и через минуту хлопают дверцы шкафа, звенят тарелки, блюда, чашки, фужеры для вина, простые, с гладким рисунком снежных крапинок и тонким силуэтом березы каплей туши.

Фей сам расписал эти бокалы, по трафарету, в минуту настроения минора, когда за окном, в городе, летел хлопьями снег, перемешанный с крапинами дождя. Противно, мокро, холодно было.

...Фей тогда лежал на диване, укрытый пледом. «Нянчил» температуру, противную, мелкую, как малиновый жук: 37,3. Но чай с малиной отказывался пить наотрез:

– Не могу, любимый! Сердце выскочит и так.. Бух, бух.. Дай мне и еще вон ту кисточку.. – Пальцы фея были перепачканы краской, тушью. Не только пальцы, но даже и нос.. Я улыбаюсь, вспоминая это. Она всегда немного похожа на ребенка, мой фей....

****

...С веранды слышен шорох веток, стук поленьев об пол. В столовую проходит босой Ворохов, с мокрыми от моросящего дождя волосами, нарочито громко роняет перед камином охапку ровных березовых плашек. Следом за ним с букетом шафрана, рябиновых листьев, шапками белых хризантем и проржавленной веткой гортензии, зацветшей в этом году, видно, впервые, в тени забора и зарослей лопуха, – вваливается в комнату и чуть неуклюжий Знаменский, широко расставляя ноги в коричневатом – буром мохнатым носках. Успел когда то тоже разуться.

– Замерзли мы чего то.– Ворохов, ни к кому не обращаясь конкретно, берет с каминной полки спички.– Сейчас, очаг раскошегарю... Мадемуазель, вы там вина нам не подогреете? Шабли, мабли, все такое? – Баритон Ворохова красиво, по – шмелиному, перекачивается в направлении кухни.

– Нет проблем, Михаил Николаевич. – Тотчас отзывается Литягина.– Здесь даже коньяк есть.. Тош, помоги с посудой, а?

Антон пружинисто вскакивает с дивана и, чуть раскачиваясь, бежит на кухню. Мы остаемся в столовой вдвоем с Мишкой. Я вижу его резкий профиль, ходящие желваки, жилу на шее, небрежно застегнутый воротник джинсовки.

– Хватит дуться, Картуш! – Детское прозвище Ворохова ненамеренно слетает у меня с языка. – Если бы не Лешка, она бы помчалась домой босая, поранила бы ноги.. Ты же знаешь ее!

– При чем тут – она?! – мгновенно взрывается Ворохов. – Он мог бы прибежать за мной...

– Мог – Тотчас же соглашаюсь я. – Но.... Не мог. Он просто не решился ее там оставить одну. Мы же всегда ему наказываем: и я, и ты, и Аня: не бросай, смотри, на тебя надеемся... Хорошо, что Аня не знает...

– Я ей и не скажу! – Мишка крутит головой, ослабляя ворот джинсовки еще на одну пуговицу, и поджигает, наконец, лучину, засовывая ее в округлый зев камина.

Пламя вспыхивает тотчас, озаряя неярким светом ножки полированного стола и низ дивана, на котором, вот уже два часа, свесив босые пятки до полу, и положив одну руку под щеку, измазанную шоколадом, беспробудно дрыхнет Лешка.

...

И никакой шум, и никакие разговоры, и сиплое пыхтение рассерженного Ворохова старшего или – мои сентенции – не в силах его разбудить! Детский сон крепок.

– Анька узнает если, его выпорот, огольца, даже и не сомневайся! Черт те что вытворяет! Разболтался парень. Надо было его отдать в кадеты, а не в гимназию эту... Для снобов.

– В кадеты в десять лет принимают. Время еще есть. Успеешь, отдашь. Пусть парень малость освоится в этом мире оголтелом...

– Ты думаешь, получится у него? – Мишка, откинув со лба вихор, смотрит на меня, и едва заметный шрам над верхней губой, напряженно белеет. След падения с дерева, неудачной попытки снять с ветки застрявшего воздушного змея. Мишка всегда был упрямым. Постепенно упрямство перешло в скрытое упорство, сглаженное самодисциплиной, жадой всяческого познания, стремлением к гармонии и Бог знает, еще -чем...

Мишка импульсивен, вспыскивает, как порох, но также быстро – отходит. Даже насмешливая, ироничная, колкая Аня, почти всегда поддразнивающая его, мгновенно затихает при ослепительных вспышках гнева, а Лешик, тот и вовсе – старается стать незаметным, как тень.

Усмирить Мишку может только мой пристальный взгляд, заломленная кверху, в нарочитом удивлении, бровь или нежный лепет фея: «Ну, Миша, ты что? Не надо и сердиться! Просто скажи: «а чтоб тебя дождем намочило!»

Когда фей растерян или – взволнован чем – то, он разговаривает немного неправильно. Прелестно неправильно. С польской «горчинкой». Почти – акцентом... Или – хохочет, не сдерживаясь... Так он своенравно унимает страх. Боль. Одиночество... Неуверенность.

***

«А, чтоб тебя дождем намочило!» – стало у насволшебным паролем, по умолчанию, для снятия атмосферы «сердитости»..

Я вспоминаю все это как раз – вовремя, и, передвигая стулья, и расправляя салфетки на круглом столе, тихо подхожу к Ворохову, кладу ладонь ему на левое плечо:

– Ну, хватит, Картуш, хватит! Тебя, кажется, уже и так «дождем намочило!» Через секунду мы оба – фыркаем, и Ворохов, уткнув голову в колени, беззвучно хохочет:

– Знаешь, я вспомнил, моя ярославская бабушка мне, почему то говорила:

«А чтоб ты гороху на ночь наелся!»

– Не ел я горох! – внезапно сонно бурчит Лешик, поднимая голову с подушки, и перевернувшись на другой бок, и подтянув ноги к подбородку, продолжает: – Я ежевику только немножко ел..

– Ужинать то будешь, непоседа? – Прокашлявшись от подавленного смеха и прочистив горло, спрашивает его Мишка, наклоняясь и поглаживая черные вихры сына. Но тот уже – снова во власти сна, чмокает сладко губами и внезапно становится похожим на трехлетнего карапуза.. Мы его крестили в трехлетнем возрасте: я и фея... В Париже, в русской церквушке, на рю де Бюсси.

– Давай – ка, лучше я тебя наверх отнесу, соня ты этакий! – Мишка, улыбаясь, подхватывает ребенка на руки и осторожно несет по лестнице. Ступеньки слегка поскрипывают. Опять поют. Но вслушаться в их мелодию мне мешают Знаменский и Литягина, появившись в дверях столовой с горками тарелок, бокалов, вина, салатов, сыра, рыбы и жареной колбасы...

*****

Внизу мягко щелкает входная дверь. В столовую через веранду вбегает Аня, на ходу отряхивая пестрый зонт:

– Не опоздала я? Где Ланка? Не ужинали еще? – весело тараторит она, стягивая с головы шарф. – Ух, сколько Вас тут! ЗдОрово! Привет, ребята.. Дождь такой прелестный, как музыка.. Даже строчки пропелись... Сейчас я Вам покажу..

Выпрыгнув из тужель, босая, она бежит к софе, забирается на нее с ногами, упрятав большой, густо наманикюренный сиреневым лаком палец куда то, вглубь мягких, упругих поду-

шек, подхватывает стоящую сбоку от подлокотника гитару, быстро ее настраивает. И через пять минут звучит негромкий, переливчатый аккорд, а Анькин голос приобретает волшебную, «чужест», чуть хриплую, притягательную:

Девочка, так пронзительно.
Осень.
И сны – не снятся...
Яростно и стремительно
Падает, не подняться,
Лист в золотом кружении,
Словно игрушка Бога.
Девочка,
Постижение
СлОва —
Твоя дорога!...
Осень- в дыханье августа,
Розы сминая пальцами,
Девочка, не научишься —
Кротко сидеть за пальцами!
Кожа перчатки вытерта
Губы – слегка соленые...
Осени лисье личико,
Где мы с тобой – влюбленные..
Девочка с нежной проседью,
Листья храни кленовые...
Солнце, расставшись с осенью,
Высыплет строфы новые
В обод перчатки замшевой ... [i]

Мишка, спускаясь вниз по лестнице, замирает на верхних ступенях, удивленно смотря на жену..

– Это не мое, не мое! – Аня наклоняет голову к ободу гитары, встряхивает волосами. – Это – Ланочки... Пропелось мне так, на ходу, пока ехала.. Боялась забыть.

– Офигеть! – Литягина осторожно ставит на стол бежевое блюдо с прожаренной колбасой и кольцами лука сверху. – Так бы, на ходу, лекции заучивать! Садитесь, пока горячее. Светлана Александровна встала?

– Она сейчас придет. – Ворохов, стремительный как струна, быстро спустившись вниз и проходя мимо, хрипло шепчет мне на ухо:

– Мы все – гавроши, а она, блин! В замше и гипюре... Полный отпад! Грэг, держись! – Друг детства озорно подмигивает мне и усаживается на диване рядом с Аней, осторожно обнимая ее, прижимая к своему плечу:

– Замерзла? Опять спешила, ангел? – Он осторожно целует ее перебирая губами волосы.

– Нет. Пробки. Все домой мчатся. Как Вы тут? – Аня осторожно похлопывает ладонью по лакированному боку гитары.

– Ничего. – Мишка откидывается на диване. Он совершенно спокоен внешне, но не выпускает Аню из объятий. – Ежевичное варенье надо варить. Лешка расстарался, ягод набрал... По чтению пять принес.

Ступеньки опять скрипят. Легко, нежно, едва – едва. Как дыхание.... Мелькает черное кружево, обвивая крохотные щиколотки, тонкий сплошной каблук лакированных двухцветных босоножек, новых, не разношенных..

– Кто это играл? Аня, ты? Мелодия чудная какая! Осень поет.. А когда ты написала, успела? И ничего мне не сказала! Мой ты хороший! – голос фея дрожит, переливается, как ручей. Она спускается медленно, осторожно, как волна прилива, и ее серое платье, с меховой оторочкой по рукаву и гипюровой вставкой у горла, на груди, тоже переливается, как волна, серебрясь, мерцая, в отблеске каминного пламени.

– Горушка, дай мне руку. – Мягко просит она, остановившись на почти последних ступенях. – Что-то не могу. Туфли еще не разносила. Неловко. – Она улыбается чуть виновато. – Так бы в старые и залезла сейчас!

– Так я их выбросил. – Разводит руками Ворохов, поднимаясь с дивана, и подходя к лестнице почти одновременно со мной:

– Madame, vous en prie, tour de valse,

– — Monsieur, je reux pas choisir? – фей с мягкой улыбкой смотрит на Мишку, переводит взгляд на меня, кокетливо склонив голову к плечу. Мишка кивает, со вздохом, отступает на два шага.

– Alors – Vous, monsieur. Votre fant. – Она протягивает мне руку, и я стараюсь не заметить, как сильно, испуганно она сжимает мою ладонь.

– Больно? – взглядом, дрожанием век спрашиваю ее я.

– Немного. – Почти выдыхает в ответ мой фей. – Держи крепче, пожалуйста.– Шепчет она мне на ухо, положив руку мне на плечо и откинув голову назад. – Только ты так можешь. У меня ноги отекли. И туфли – маленькие, как будто. Не по – настоящему. Пальцы давит... Не говори ничего. Держи просто, хорошо? – И громко произносит своим мягким, музыкальным голосом, обращаясь ко всем сразу: – Анечка, сыграй, пожалуйста, еще раз.. Миша, пригласи же Танечку, что ты растерялся?

Серебра на этот раз в голосе – нет. Он приглушен, как опускающийся на дом и сад, вечер. Он и сам, этот вечер, плывет, вальсируя, над нами, как Анин голос, преображенный аккордами гитары, отблесками пламени в камине и шуршанием осеннего дождя за окном..

Глава пятая. Воскресенье фея...

Воскресенье. Как здорово, что никуда не нужно торопиться сегодня утром.. В этом утра так нежно и пронзительно поют синицы и пахнет дымом, и дым – почему то рябиновый. Чуть горьковатый. В доме тишина. Ранняя, легкая, как облако. В ней еще слышно певучее, сонное дыхание дома. Еще повсюду – полногласием – ее сопрано.

Вороховы уехали от нас вчера, поздно ночью, подхватив с собою ребят. Аню с Лешкой мы не увидим, может быть, до среды.. Субботы? Никто не знает, что взбредет импульсивному Мишке в голову. Он в любой момент может выскочить из машины перед кустом сирени, распластанным на горизонте закатом, пляшущим на ветке бузины или вяза крапивником, чтобы сделать штрих, вдохнуть, запомнить, зарисовать... Не исключено, что в наш дачный ежевичный эдем Ворохов явится, впопыхах, и неожиданно – искать вдохновения или протирать веткой на чердаке предметы для своих сказочных инсталляций или чего то там еще, новомодного.

Воскресенье.. Блаженство. Никуда не надо спешить. И колено вроде поутихло. Если осторожно повернуться, то фея – не проснется и можно услышать ее дыхание.

И начать целовать ее, всю, такую теплую, маленькую, сгоня солнечные пылинки утра с губ, щеки, шеи, плеча... груди... Так осторожно, чтобы не испугать.. Вообще то, мне нравится будить фею своими поцелуями, он тогда очень нежно ворчит и в этом ворчании – легком певучем, каком то «пушистом», моя душа полностью растворяется, а сердце рассыпается золотистыми искрами прямо в ее ладони..

...О, боже мой! Где она??!! Моя рука касается пустой подушки, еще хранящей очертания ее головы, щеки... Соскакиваю, как пружина, ударив пятками старый паркет, на ходу просовывая ноги в джинсы. Господи, опять? Что?! Где?!!

***

...Лечу вниз по лестнице, босиком, не чувствуя холода раннего осеннего утра. На кухне работает вытяжка, раковина чистая. Чайник холодный. Несусь мимо, на крыльцо.. Она сидит на нижней ступеньке, в одной ночной рубашке и туфлях лодочках из серой замши, на босу ножку... Как она надела их, господи...

****

– Любимая... – Я упираюсь затылком в косяк двери и медленно, на прямой спине, съезжаю, падаю, рядом с ней, на ступеньку, обнимая ее, боясь отпустить.

– Черт возьми, черт, ты сведешь меня с ума.. Почему ты тут, в рубашке, крыльцо холодное?! Еще не хватало тебе простыть... – Я тяну ее к себе на колени, она сопротивляется, дыхание ее мешается со слезами, становится хриплым, прерывистым, и только прижав ее к груди, к своим шрамам под ключицами – надрезаю от катетера, замечаю на тонкой ткани ее рубашки следы рвоты..

– Голубка, ласточка, что, опять?! Что же ты не разбудила? – Я осторожно ощупываю руками ее голову, затылок – не ушиблась ли, где –нибудь, не дай Бог – об лестницу, перила, косяк... Тысячу раз так было...

– Отпусти меня, боже мой.. Я вся в этой рвоте... – Она пытается поднять голову, но бесильно роняет ее мне на плечо. Я вижу, как у нее трясется подбородок. Она не плачет, но глаза ее огромны от боли.

Она смотрит на меня и вдруг медленная улыбка, как луч солнца освещает ее лицо, смягчая скорбную складку у носа, морщинки у глаз. – Какой ты красивый! – восхищенно шепчет она. Я никогда еще не видела тебя в расстегнутых джинсах на босу ногу... Как соблазнительно! – Ее плечи вздрагивают, и я вдруг понимаю, что она – смеется. Просто – смеется – А ее прохладная, мягкая ладонь оказывается у меня на поясе, потом чуть ниже и глубже.

– Несносная девчонка, прекрати сейчас же, иначе я за себя не отвечаю! – хриплым голосом, в котором нет и тени строгости, бормочу я, скользя губами по ее шее.

– И не отвечай, и не надо, – нежно продолжает она. – Тебе уже немножко надоело за меня отвечать, да? Любимый мой, мой соловушка, Орфей... Я же все равно буду хулиганить... Ну, совсем немножко так. Да? Ты позволишь?... Ее тонкие пальчики осторожно гладят то, что так бурно сейчас отвечает на ее присутствие рядом... Она меня дразнит? Она.. дразнит меня... О, боже! Мы оба – сумасшедшие...

И тут вдруг мой взгляд останавливается на бурых пятнах у горловины ее сорочки. Опять кровь... Рвота с кровью. Это значит, она поранила сосуды и возможен повторный приступ или кровотечение.. Тогда, что же мы здесь делаем...? Сумасшествие еще не закончилось. Настоящее. Оно только начинается.

– Идем наверх, любимая! – Осторожно шепчу я, поднимаясь вместе с нею. – Я не могу больше ждать. Неужели ты хочешь, чтобы все кончилось прямо здесь? Так банально? Наше с тобой воскресенье. Настоящее, только наше...

– Нет, – она качает головой. – Нет, не хочу... Я тоже – не могу ждать.. Правда! Идем... Только тихо.. Не надо закрывать двери.

Я осторожно поднимаюсь наверх со своей легкой ношей, чувствуя кожей биение ее сердца. Пульс частый...И по ее щеке то и дело скатываются бисеринки пота...

***

...Кажется, мне не приходится кривить душой и на йоту. Моя страсть накрывает ее волной, бурной и нежной – одновременно, с примесью, со вкусом тревоги....

Странно, что тревога имеет острый земляничный привкус.. Или земляникой пахнет ее тело, легкое, почти невесомое... с жилкой пульса у горловой ямки, во впадине локтя, на бедре, где распластало паучы лапы прошлое?

...Она нежно окликает меня по имени, и я с трудом вырываюсь из омуты ее прелести, составляющей одно целое с воздухом и солнечными прядями утра, которое все сильнее разливается вокруг. По всей комнате, нежно наполняя все ее пространство.

– Что? Что, голубка? Что ты? Я здесь.. Тебе что, больно? О, господи, я... Прости! – Я обжигаю сухими губами ее плечо, нежное начало груди. Вечно она туманит мне голову. До беспамятства.

Она лежит на моей руке и тихо смеется, обводя пальцем контур моей щеки:

– Не больно, нет, что ты. Все прошло. Голова только, как будто туда воды налили, и там плавает золотая рыбка. Такая крохотная совсем: бульк, бульк... Хвостик такой, знаешь, переливается весь.. – Она смеется, как будто об пол разбиваются осколки солнечного луча или – серебряный колоколец... Она опять такая же, как всегда... Как будто, не было ничего...

– Какая рыбка? Ты выдумщица, мой фэй.. Вечно ты что – нибудь придумашь.. Я знаю, где она, эта рыбка, у тебя... Вот здесь! —

Я касаюсь пальцами ее левой груди, той стороны, где сердце. Смотрю на нее. Смежив ресницы, она лежит у меня на локте, как будто дремлет

– А в голове нет у моей голубки – никаких рыбок. Одни стихи. – Я мягко улыбаюсь, стараясь дыханием согреть ее кожу.

– Вставать пора.... – Она осторожно целует мои руку ниже запястья.. – Ты меня так заколдуешь совсем, и будет вечер, и будет – опять ночь, и мы ничего не поймем и не сделаем.

– Не надо ничего делать, любимая. Иди ко мне. Сегодня же воскресенье. И еще всего лишь девять утра...

– Горушка, мне Аня сказала вчера.. Так просто.. Ты только не сердись. Тебе Плехотин опять говорил про плазмодерез, да?

– Да, любимая.. – Но он не настаивает.. Он просто предлагает. – Я пытаюсь улыбнуться, но выходит – отвратительно. Точнее, совсем не выходит.

– Зачем? – она вздыхает. — Это все ...так. Попусту.. Не могу. Больше не могу. У меня вен уже нет. Не могу. Можно, я просто буду такая, как есть, с тобой, без плазмы, не синяя, не черная от этих капельниц?. Просто, я, сама. Вот с этим шрамом на бедре, с маленьким своим лоном, на которое ты – не дышишь... Да.., С родинками на груди и плече, Такая вот вся, как есть: с раздражением от геля для душа. Неуклюжая, смешная, разбивающая тарелки и чашки, но только – с тобой рядом... Сколько отпустят там.. Эти феи, ангелочки, кто там есть? Я хочу, чтоб синяки у меня были только от твоих пальцев, от твоих губ,.. Только от того, что занимаясь со мной любовью, ты забываешь, что у меня кожа, как папиросная бумага. Что можно, вообще, если зажмуришься крепко, увидеть насквозь меня – всю, и эту мою плазму, и кровь, которая не хочет свернуться, и все мои мысли. Все, все.. Они же всегда – только о тебе, боже мой! Только о том, слышишь ли ты меня, понимаешь ли ты меня, близко ли от меня твоя душа, далеко ли, болит ли она, радуется ли, играет ли на клавишах – моей?? Может быть, в унисон, может – подыскивая гамму...

– Да! – Я крепко прижимаю ее к себе. Да. Всегда – в унисон, голубка.. Подыскивая гамму. Я всегда рядом. Бегом и ползком. Летя и не дыша. До и после... В каждой ноте меня – ты дышишь.. Или в каждой клеточке тебя – я живу... Сколько есть у нас времени – оно наше. Как это воскресенье.. Тебе не кажется, что оно похоже на вечность? Мы вечность будем рядом. Запомни это! Пожалуйста. Прошу тебя.– я прижимаю ее к себе еще сильнее – Я никому тебя не отдам. Никуда. Никогда.

В ответ я слышу ее ровное дыхание. Глубокое, как у ребенка. Она заснула. Я осторожно касаюсь пальцами ее мягкой, как пух, щеки, соленой от не прорвавшихся наружу слез.. Голубка спит, ее перышки ласкают мое тело, мое плечо, мои шрамы под ключицей, мышцы, немного затекшие, на левом плече, где сейчас – ее голова, сияние ее волос, пушистых, как солнечное облако..

*****

Солнечное облако щекочет мне нос и я.. Просыпаюсь.. Фея опять нет рядом. Часы показывают без четверти двенадцать, вжимаясь в угол стола, на котором привычно распахнут ее ноут... Снизу, из столовой, плывет соблазнительный запах чего то пряного, жареного, перемешанный с ароматом консоме, томатов и расплавленного сыра.

– Черт! – Я кубарем скатываюсь с софы, сдергиваю с изголовья рубашку, туго затягиваю ремень на джинсах, нарочито громко выдвигаю ящик для постели, распахиваю настель раму – фрамугу.. Нам стоило бы и совсем переехать сюда. Раз она отказывается от процедур. – Я ожесточенно кусаю губы, – то стоит. Вполне. Только надо попросить Ворохова и кого то из моих ребят помочь с ремонтом. И как здесь с отоплением? Можно ли, в конце то концов, здесь быть хотя бы до конца ноября?

***

...Яростно жужжит включенный мною в розетку полотер, и я не сразу слышу ее голос:

– Милый, что ты? Потом уберем все. Уже поздно. Идем обедать – Она целует меня в щеку, смешно встав на цыпочки. – И в город надо ехать.

– Зачем? – Я осторожно кладу на пол полотер.– Что случилось?

– Ничего. Ворохов звонил час назад – достал билеты на» Травиату». В десять вечера.. А у меня здесь – ни платья, ничего.. Даже колготок нет. Только трусики. Она хохочет. И машет рукой, на которой нет обычного браслета из горного хрусталя. Рука чуть испачкана чем то красным. Кровь?! – Сердце щекочет мне нос и горло.

– Да нет, это – соус! – встретившись со мной взглядом, она вздыхает.– Я плохо вытерла руки просто. Идем скорее, все остывает. Я курицу зажарила. И с собою возьмем потом. Надо только купить еще вина.. Или шампанское лучше? Как ты думаешь? Ах, хорошо, как.. Такой день! Чудный.. Как золото рассыпали..А мы с тобой чуть все не проспали.. да... – Она идет вниз, потом, чуть качнувшись на последней ступеньке, оборачивается и смотрит на меня при-

щури́в один глаз, совсем по фейному: – Чуть вечность не проспали, любовь моя! Вечность. Ту, что с нами рядом.

Глава шестая. Категорический план для фея...

....Вороховы, как всегда, запаздывали, и все хитрости своего вечернего туалета фей тщательно скрыл от меня в моем же кабинете: светлом, без портьер, с переливами позднего сентябрьского, нежно – жгучего солнца, на освещенном, навощенном паркете, с разбросанными повсюду кипами книг и большим зеркалом в углу.. Я увидел ее, уже одетую – в синем бархате, завернутую туго, как кокон, с тонкой талией, под которой едва угадывался корсет.

Бедра ее, от корсета, показались чуть шире, разрез слева – открывал их начало, но самую сердцевину знал только я, она была открыта только моим касаниям... Скользкий капрон телесного цвета, обтягивал ее крохотные ступни, пальчики; она переступала босыми ножками по паркету, будто зябла, наклонив шею, пытаясь застегнуть тонкую нить жемчужного колье. Но пальцы ее не слушались.

– Горушка, застегни ты? Не могу, наверное, руки устали. – Она, не поднимая головы, опять угадала мои шаги. Или, может быть, мой запах?... «Аромат от Армани», как она шутит...

– Спасибо. – Ее губы легко касаются моего запястья, когда колье послушно укладывается на хрупкой шее. – Я смотрю, запонки подошли? Нравятся они тебе? Это – папины еще.. Остались. Теперь твои пусть будут..

Простые, позолоченные запонки, с зеленоватой прямоугольной серединой, обхватывают мое запястье, как то особенно: не туго, но – нежно, властно.

– Нравятся. Да. Это – не обсуждается. – Я мягко касаюсь губами ее волос. – Смотри – ка, тут красивая пара, в зеркале?... Ты не находишь?

Она улыбается, пожимает плечами.

– Мы просто продолжаем друг друга.. Потому – волшебный круг. Она обхватывает свободной рукой мою голову, целует меня осторожно, как будто я – стеклянный: – Надо поужинать. Еще только – пять... Хочешь чего –нибудь?

Я развожу руками:

– Ну, всегда – тебя.. Это – во – первых. А, во вторых.. Бутерброды и кофе. Салат какойнибудь... Сейчас сообразим...

– Осторожнее! – она грозит мне пальцем. – Твоя рубашка. Не запачкай? – Тут же улыбается, со вздохом: – Она красивая очень. Ты в ней на Жерара Филиппа похож.

– А ты когда его первый раз увидела? – Я смотрю на нее, уже выходя в двери. Она делает рукой неопределенный жест, щелкает пальцами, поправляет волосы, едва – едва коснувшись пряди над виском. – Лет в десять.. «Фанфан Тюльпан», как все.. – Это потом Даниэль Даррье, «Красное и черное»... С голосом Караваевой... Целый роман... Она сохранила голос от всей своей бывлой красоты... Машеньки своей... Я все хочу написать о ней, о Караваевой, а рука не поднимается.. Таким страшным кажется все это... Ее судьба.

– О ней вышел роман «Синяя кровь», кажется. Я чуть не получил его на рецензию.

– Мне кажется, любое воплощение ее судьбы покажется теперь слабой подделкой. Хотя в книге, хоть на экране. Не будет экспрессии, горечи, причем испытанной до полна... Роман показался мне каким то разбросанным – именно от растерянности, что ли.. Искусство охватить словом образ стало совсем куда то исчезать... Ты не находишь?

– Не знаю, голубка. Так. Раз ты говоришь, значит, так. – Я улыбаюсь, смотря на нее. Все сложные вещи она всегда говорит просто. Умеет говорить.

– Ты про себя думаешь: " Ну, разлеталась тут!" Ладно, не принимай всерьез меня. – Она машет рукой, ища крохотной ножкой замшевую туфлю, чтобы обуться, трогая ее пальцами, и пытаясь дотянуться.

– Кофе завари? – *zmerzla tvoia pani...*

– *Zaraz.* – В тон ей отвечаю я, – Сама обуешься или помочь?

– Не вето! – она пожимает плечами. – Пробовать буду.

– Ну – ка, дай! – Я присаживаюсь перед ней. Мои пальцы обхватывают ее ступню, щиколотку, и я осторожно поворачиваю ножку фея, чуть вдавливая ее в туфлю и, ощущая, как слегка напрягаются мышцы ее крохотной стопы.

– Вот и все. Давай, теперь попробуем другую ножку? Не больно?

– С таким принцем, что ты! – Она осторожно ерошит волосы на моей голове.

– Мы когда их с Мишкой заказывали, мастер три раза у меня переспрашивал размер. Не верил, что тридцать третий. Не давят они тебе?

– Нет. – она качает головой. – Как раз. Больше не вырастет нога, как ты думаешь?

Я смотрю на нее снизу вверх. Кажется, она опять смеется. Только глазами.

Я развожу руками, поддерживая игру:

– Любовь моя, я только про людей знаю, что нога у человека растет до двадцати одного года, а про фей – ничего не знаю.. Они же – волшебницы. Творят все, что захотят. – Внезапная трель звонка прерывает нас. Фей, соскочив с пуфа у зеркала, мчится на кухню, я – в прихожую. Открываю. На пороге, увы, не Мишка Ворохов с Аней, а соседка, Полина Никитична, седовласая, хрупкая старушка, с изумрудными глазами, удивительно молодыми для ее возраста. В одной руке она держит фарфоровое блюдо с крохотными румяными пирожками, в другой – бумажку, чуть запачканную сливочным маслом.

– Георгий Васильевич, голубчик, я Вашу машину в окно увидела, только сейчас. Не знаю, кого просить, мне в аптеку нужно, а рецепта не могу понять, уже в две звонила аптеки, они там название спрашивают, а я в латыни не понимаю ничего....

– Вам не надо понимать. Врач должен был сказать Вам! – Я беру у Полины Никитичны бумажку, мельком гляжу в нее. – Это сироп от кашля, с добавлением алоэ и солодки, новый какой то, поэтому его и не знают – Улыбаюсь, ободряюще. – Входите же. А кто заболел?

– Да Михаил Петрович мой, кто же еще то? Ходит в куртке нараспашку, уже сколько раз говорила! – Полина Никитична едва ли не на цыпочках входит в квартиру и осторожно ставит на трюмо блюдо с пирожками: – Вот угощайтесь, свежие, только напекла час назад.

– Спасибо. – Я снова улыбаюсь. – Мы как раз кофе собирались пить. – Ланочка, у нас гости.

– Нет, нет, что Вы! – всплескивает руками старушка, и почти выхватывает у меня рецепт, торопясь выскользнуть за дверь – мне и так совестно беспокоить, что Вы.

– Да никакого беспокойства! – улыбается фей, выходя в прихожую. — Мы только рады. Зябко немного. – Фей снимает фартук и поводит плечами. – Отопления ведь еще нет?

– Нет, деточка, не дали еще пока. На днях должны, вроде бы. Слесарь бегал по корпусам, предупреждал, чтобы все дома были.. А у Вас такое открытое платье.. Вы всегда нарядны, но сегодня.. Куда то собрались? – Полина Никитична с любопытством смотрит на фею.

– В оперу. – Мягко улыбаясь, своим тихим голосом отвечает фей.

– Как чудно! – Полина Никитична всплескивает руками. – Сто лет не была в опере! А что дают?

– Верди. «Травиату».

– Прелесть какая! Мы когда то с Михаилом Петровичем в Новосибирске слушали эту оперу. Декорации были прекрасные. Мы, тогда аспиранты, смогли билеты купить только на галерку. Смотрели стоя. Но не заметили, как прошло два часа.

– По моему, «Травиату» можно смотреть даже на улице, под дождем, закутавшись в целлофан. – Решительно вмешиваюсь я в разговор, краем глаза заметив, что фей зябнет у открытой двери – Милая, там наш кофе не сбежит? – Я осторожно подмигиваю фею, стараясь не смутить соседку.

– Ах, да! Извините. – Фей всплеснув руками, вихрем бежит на кухню, шурша бархатом платья и снова завязывая фартук..

– Как же всегда мила Ваша супруга! Такая изящная, нежная. Она похожа на севрский фарфор. – Полина Никитична вздыхает. – Такие женщины почти исчезли. – Бывший доцент, а ныне – заслуженный пенсионер и общественница в домкоме, кокетливо поправляет выцветшую сиреневую прядь на виске. – Вот в наше время.

– Да. Да, я понимаю. Но вот в Париже еще что – то сохранилось, Вам не кажется? – Я смотрю на часы. – Может быть, кофе, все – таки? Чашку? – И делаю широкий, приглашающий жест в сторону кухни.

– Нет, нет, я пойду. Мне в аптеку еще. В Париже все сохранилось. – Полина Никитична утверждающе, категорично, вздыхает, и глубже засунув ноги в шлепанцы, как то не выпархивает, а выпрыгивает на площадку. – Дай Вам Бог здоровья, Георгий Васильевич. Благодарю.

– Не за что. Пусть Михаил Петрович скорее поправляется. – Я осторожно закрываю дверь, еще минуту прислушиваясь к шагам на лестнице. Вороховых все нет. Мишка, очевидно, подъедет часов в девять. Почти в последний момент, как всегда. Но это – неважно. Лишь бы успеть в театр и на парковку...

.. Я вхожу на кухню. Фей стоит у окна, двумя пальцами чуть приподняв гардину, и смотрит вниз.

– Жизнь..... Как часто в ней нас удерживают только воспоминания. Особенно – на закате. Вот тогда уже хочется делиться воспоминаниями со всеми, стараясь удержать ее, эту жизнь. Ну, хоть еще на – чуть – чуть. Хоть на мгновение. Правда? – она поворачивается, смотрит на меня. Ее профиль смягчен, он попал в тень стены...

Скоро сентябрьские сумерки опустятся на город, гася закат. И наша квартира на восьмом этаже блочной высотки, по проспекту маршала Жукова, будет, как корабль, плавать в огне неоновых реклам и вывесок, огней световых щитов и полос на дороге вдоль бульвара. В открытую форточку опять запахнет гарью и бензином, прелым осенним листом, низкой мокротой туч... За городом легче дышится. Скорее бы назад!

– Любимая, ну что у тебя за мысли в головке? – Я подхожу, обнимаю ее за плечи, ощущая губами тепло затылка, биение жилки пульса. – Не грусти, не надо! Ничего... Она любопытная, но безвредная старушка. Пирожки чудные, правда? Маленькие. Для тебя как раз, ну, вот, смотри – Я протягиваю ей блюдо.

Она ахает:

– Горюшка, как же это! Надо же было вернуть блюдо..... Угостить чем то! Ах, я – растапа! – Фей бросается к холодильнику и достает оттуда затейливую пузатую баночку с яркой крышкой. – Вот. Малиновое варенье. Джем. Он без косточек. Процеженный. Иди, отнеси, а? А то как то неудобно получилось. Я пока салат сделаю. – Она проворно перекладывает пирожки с блюда в низкую хрустальную вазу – блюдо, расставляет чашки.

– Ты справишься сама, милая? – Я смотрю на нее, прищурившись. – А то ведь я могу вернуться оттуда только через сто лет. Смотри, в мое отсутствие, не влюбись тут в когонибудь.

– Мне бы в твое отсутствие кофе не прозевать! – машет она кистью руки в мою сторону. – Я с оливками сделаю салат. Будешь?

– С удовольствием. Только добавь помидоры, хорошо? Так славно есть помидоры со своего участка, правда?

...Когда я возвращаюсь в квартиру через полчаса, с букетом астр в руках и маленькой изящной коробочкой из малахита, завернутой в папиросную бумагу, в кармане куртки, из кухни, навстречу мне, плывет шмелиный басок Ворохова:

– Madame, это Вы – несправедливы. Техника сейчас – атомная, и можно все придумать.. Там можно вывести, например, шланг, и машина будет работать и на холодной воде...

– Мишенька, я в этом не понимаю. Конечно, можно все, но – зачем? Столько хлопот. Зимой сложно за городом. И связи хорошей нет. А у Горушки вся работа – по интернету почти...

– Только и слышно: «Горушка то, Горушка – другое!» – беззлобно ворчит Ворохов.– Ты о себе бы подумала.. Тебе свежий воздух нужен..

– Он нужен всем. Наточи еще этот, пожалуйста. – Я слышу звук точильной машинки для ножей и голос Ани из глубины коридора:

– Господа и дамы! Бросайте заниматься кухонными делами в вечерних туалетах. Это безобразие. Ланочка, пойдем, я тебя уложу? Отдохни хоть полчаса, а? Я ведь знаю, что ты весь день бегаешь... Вас не было здесь месяц, а как будто – жилая квартира. Не пылинки. Когда успели то? С тряпкой бегала два часа, без перерыва? Можно я возьму почитать? – Аня машет книгой извлеченной из недр стеллажа в прихожей, и тут вдруг замечает меня:

– Грэг, привет. Боже, какой роскошный букет! Мишка, тащи вазу.. Я в гостиной видела.. Где ты купил? Дождь на улице... Вечер уже.

– Вот тут, за углом. Сидит старичок в дождевике, перед ним – ведро, астры мокнут. Я забрал последние. Жалко старика. И цветы жалко.

Руки фея обнимают меня, где то чуть ниже плеч. Наклониться я не успеваю.

– Спасибо... – Она незаметно трогает что то в букете, перебирает, и он становится ярче, заметнее: белое и бардовое выгодно оттеняет друг друга. Капли крови всегда оттеняют белизну больничных стен. О чем я думаю, боже! Я осторожно и в то же время – крепко прижимаю к себе легкого фея. Еще улетит, выскользнет, упадет.. Мой фей...

– Ты же весь мокрый! Зачем на улицу вышел? Простудишься, боже мой! – Разбросав астры по поднесенному Вороховым божьему чертогу хрусталя, и, уже не смотря на них, она встряхивает мою куртку, вешает ее и тут же вытирает мне чем то голову.. Полотенце.. Где она его взяла?!

– Иди, скорее, иди, чай пей.. Там сардельки, салат, иди скорее.. Немного вина надо... Ой, а что это? Горушка, что это у тебя? Какая чудесная коробочка... Откуда это? – Она извлекает из кармана куртки шуршащий, пузатый сверток, и, уже не замечая никого вокруг, садится на пуф, возле вешалки.. – Чудеса какие! А там ктонибудь живет? – она смотрит на меня вопрошающе, с детским неподдельным интересом. Она вся превратилась в ребенка. В одну секунду.

– Не знаю, cherrie! – я улыбаюсь, смотря на нее. Другая эмоция невозможна, нереальна в этой ситуации. – Открой и увидишь. – Она протестующе качает головой и протягивает хрупкую вещицу Мишке, который уже присел возле нее на корточки, в позе охраняющего пажа, волка, цербера, кого там еще? Про себя я – фыркаю. Не хватало тут только ревности! Но руку на плечо Ворохова кладет Аня, и все становится на свои места. Она тоже наклоняется над феем, незаметно поддерживая ее спину.

– Миша, ты открой. Я разобью. Это совсем старинное что то... – Завороженно шепчет фей.

– Да. Севр. Мануфактур ле руа.. Королевская фигня, – Мишка шутит в своей обычной манере. Подмигивает мне:

– Где отрыл, Грэг? И за какие бабки?

– Подарок. За переведенную новомодную медицинскую ересь, с двумя ошибками в одном слове.. Открывай, открывай, чего ты? – Я присаживаюсь на корточки возле фея, с другой стороны, и вся прихожая погружается в нетерпеливое ожидание чуда.. Ворохов приподнимает тонким пальцем художника, с изъеденными скипидаром и краской ногтями, кольцо малахитового сундучка – шкатулки, и высыпает на свою ладонь крохотного ангелочка, с позолоченными крылышками и венком на голове.

– Ух, ты! Какой смешной! – улыбается Аня. – Это же – наш фей. Ну, просто копия..

– Да, вот я только что хотел сказать. Точно! – Мишка осторожно крутит ангела на своей ладони. – Ну, Ланочка, смотри, и глаза такие же.. Огромные.

– Где ты его нашел? – Она удивленно смотрит на меня. – У Полины – таких нет. Я знаю.

– В песочнице валялся. – Отшучиваюсь я. – Его помыть надо. Видишь, у него голова в песке. – Беру ее под руку, осторожно приподнимаю с пуфа. – Пойдем, выпьем немного кофе. И тебе, действительно, нужно полежать. Ну, хоть полчаса....

– И еще, брат, Вам обоим надо подумать над одним вопросом – заговорщически шепчет мне Мишка, когда мы возвращаемся на кухню.

– Каким? – Я усаживаю фею за стол, и потому не сразу чувствую в Мишкиной улыбке – подвох.

– Ну, как успеть завести ребенка. Настоящего. Чтобы кукол не искать в песочницах во дворе. – Это Мишка произносит уже вслух.

Со стола медленно падает ложка. Аня яростно захлопывает крышку чайной банки и тотчас же хватается Мишку за ухо, шипя:

– Ворохов, я тебя прибую! Ты, вроде, за обедом не пил...

– А что? Что я не так сказал? Пусти ты, сумасшедшая, больно же! – Мишка обиженно трет покрасневшее ухо. – Я серьезно говорю. Тут обидного ничего нет.

– Поздно, Мишенька. Я тоже – серьезно. Мне – сорок пять. Грэгу – сорок семь. – Фей, нарочито спокойно, медленными, размеренными движениями наливает в чашку кофе, подает мне.

– Ну и что? Это что, разве – возраст? Что тут такого? И в пятьдесят заводят ребятню.. И в семьдесят. Эта богема.. Вон, посмотри, у Градского сын родился.. – Ошарашенно взирая на фею, Мишка несется уже во всю прыть, не зная, как остановиться. Или – упрямо не желая остановиться.

– Миша, мы – не Градские. Яворские мы. И мне осталось.. Неважно, сколько. Я и за два года не успею. Или – не выношу. При этой форме белокровия... Она не сворачивается, кровь, понимаешь... Прах ее побери! Удивительно, как она еще Грэгу подошла..

– Любимая... Успокойся. – Я осторожно касаюсь ее руки, в которой она крутит серебряный черенок ложечки. – Не надо, успокойся. Прошу тебя. Нашел о чем говорить, балда! – беззлобно ворчу я, отвечивая Мишке подзатыльник. – Это мы в другое время обсудим. На даче, за шашлыками. У меня план, кстати, есть по этому поводу, стратегический. Вы обалдеете, точно. А сейчас, – Я поднимаю руки вверх ладонями. – А сейчас мы садимся все, пьем кофе, отдыхаем часик, и едем в театр. Все. Не обсуждается. Категорически.

– Милый, – Не выдыхая, и потрясенно смотря на меня, шепчет фей. Он моментально уловил суть игры. Он всегда тотчас же улавливает все, мой фей.. – А я то, я – есть в этом твоём... категорическом плане? Или как там его называют?

– Конечно, madame, как же – без вас! Вы – главное звено. Без Вас – никуда. – Я подмигиваю фею. – Так что, быстренько, пейте кофе и отдыхать.. Немедленно. Вы для стратегического плана мне нужны в отменной форме. И пусть madame Ворохова уложит Вам волосы. В театре надо – блистать...

– Мы все сделаем. Я фен привезла и лак. – Аня яростно раскладывает по холодной керамике тарелок салат и палочки сарделек. – Грэг, попробуй, тут соли достаточно?

– Нормально – Я со вкусом, нарочито медленно, разжевываю сардельку. – Да, я забыл спросить, а где у нас Лешик? Куда Вы дели младшего Ворохова?

– А что, он тоже нужен для... стратегического плана?? – не сговариваясь, хором, спрашивает у меня вся компания. И замирает на миг, когда я первым начинаю смеяться...

Глава седьмая. Фей в опере...

Уже в фойе нас окружила целая толпа: студенты – за редким исключением, в лице красавицы Литягиной, – с родителями; приятели Ворохова – извечная веселая, добродушная, галантная, чуть под хмельком, богема, знакомые Анечки по поэтическому кружку – шумная компания, с обрывками своих и чужих строчек в головах.

И наше, профессорское, нарочитое «благодичиние», с сорочками в мелкую точку или полоску, небрежно перехваченную под самым горлом лоснящимся бантом бабочки или удавкой галстука «павлиний глаз» – от которого через три минуты начинает рябить и в глазах, и в голове..

...Не получилось сосредоточиться и осторожно идти по почти «каннской» лестнице, с потертой ковровой дорожкой с бежевыми полосами по краям, ведя под руку крохотного фея, в белом палантине поверх синего бархата, жемчуга, и острого брюссельского кружева. Руку пришлось срочно освободить для приветствий.

Фей вспорхнул вверх по лестнице, вопреки всем правилам, в сопровождении улыбающейся легкими ямочками на щеках и на подбородке, Анечки Вороховой, чьи тонкие лакированные шпильки прочно впились в лестницу, а локти в черном шелке и гипюре осторожно и чуть небрежно поддерживали спину фея. Как раз в том месте, где нужно.

...Пару раз встретившись со мной глазами, Аня сумела утишить отчаянье, полыхавшее там неумно, тем, что озорно подмигнула мне, и увлекла фея в раковину полукруглого зрительного зала, прямо к нашим местам в шестом ряду партера.

Когда мы с Вороховым, наконец, отбившись от приветствий и кивков на лестнице и в проходах, подошли к креслам, из оркестровой ямы уже раздались первые звуки увертюры.

Мягкий профиль фея, едва угадывался в полумраке гаснущих огоньков театральной люстры. Моя рука тотчас очутилась в ее тоненьких, горячих пальцах, сердечко браслета чуть царапнуло кожу моего запястья. Занавес взвился вверх, и мы, все четверо, ахнули одновременно, увидев на сцене дебелую даму в голубом гипюре, обтягивающем плотные чресла, лавиноподобный бюст и мощные плечи боксера или пловца перворазрядника.

Дама, стоя перед огромным зеркалом, тщательно расправляла в волосах цвета женой соломы огромный красный цветок.... Она не раскрывала рта минуты три. Увертюра, пару раз споткнувшись на окончании, начиналась заново, дирижер нетерпеливо махал палочкой, оглядываясь на сцену и солистку, но дама молчала, как рыба. На сцене появилась еще одна тучная матрона, в бежевой тунике и туфлях – котурнах на остром, как игла, каблуке. Откуда взялись каблуки в тифозном боксе, из которого явно сбежала матрона – наперсница, с определенной длиной и цветом волос на голове, было совершенно непонятно. Уточнять у фея, место проживания этой дамы, я не рискнул.. Вероятно, подразумевался парижский квартал Монмартр или что то в этом роде... Поились звуки арии, с которой вступала в действие главная героиня, и я отвлекся, увлекся так, что не сразу услышал шепот фея, мягкий, насмешливый..

– Hai ragione, preferito.. sarebbe... Meglio hanno cantato invisibili*

– Sei troppo severa, amore mio! – я осторожно поднес к губам ее пальцы, грея их дыханием... – La musica è la stessa... E dopo duecento anni.**

– Madame, фактура и декорации – полный улет... Рубенс в перформансе! – громко зашептал со своего места Ворохов. Фей, сколько мог, старательно держал паузу. Потом серебряное драже все же негромко, обрывисто рассыпалось по полу партера, и я услышал, как она пытается набрать воздух в легкие и подавить смех.... Что то смутно белеет в темноте. Это Ворохов галантно протягивает ей платок. Картуш в своем амплуа!

Действие, музыка, накал переживаний увлекает нас постепенно, против воли. Второй акт заканчивается в напряженной тишине зала. В антракте нас вновь окружает толпа.

„Вперед, к ее креслу, пробивается немного взмокший в строгом пиджаке и бабочке, Антон Звягинцев, подтянутый, стройный и – необычно серьезный. Он осторожно пожимает хрупкие пальцы фея.

– Светлана Александровна, можете объяснить, а? Ну, какой вот смысл то в этом всем? Тазик на столе... Это что за декорации? И Виолетта, блин,.. Шкаф в миниатюре. Ей по действию – двадцать пять, а тут чего?! Все полста с хвостиком!

– Антон, ну смотри, как на режиссерскую условность.... Вольность..

– А если мне непонятен замысел режиссера? Вот непонятен и все, – упорствует Антон.

– Да, Светлана Александровна, в чем тут фишка, вот непонятно нам? Модерново, что ли? Так сейчас от чахотки не умирают.. Смешно! – вступают в разговор другие ребята, во главе со сбжавшей из ложи родителей Литягиной, – Георгий Васильевич, ну объясните?!

Ragazzi****, дело все в том, что сейчас фишка любого замысла в приближении героя к зрителю. Максимальном приближении, понимаете.. Старательно так изображает это режиссер, так пытит, что, вот и тазик на стол ставит с мокрым бельем, и Альберт у него в фартуке посуду моет.. Но Виолетту Альберт любит также безумно, как и во времена маэстро Джузеппе... И, потом, представьте, что у нее не чахотка, а рак крови. Это и сейчас неизлечимо. И чувства по накалу не изменились, совсем... Понимаете? Музыка неизменяема. Взлет ее. Падения у нее нет. Взлет есть. До конца. До самой трагической ноты, когда голоса у них сливаются воедино.

– Сейчас этого еще нет? – Антон и другие ребята стоят сбоку от прохода, не загораживая дорогу никому, но внимание на себя все равно обращает эта стайка воробьев в чуть смятых от долгого сидения пиджаках и рубашках.

– Нет. Как в начале любви, они в смятении: еще не знают, насколько сильно захватит их чувство, да и есть ли оно? Может быть, это только кокетливая салонная игра? – Неожиданно вступает в разговор фей – Видите, и барон в гостях у Виолетты, настаивает на том, что жизнь – игра, наслаждение. Как основной тезис первого действия. И музыка там, как бабочка – тарантелла. И Любовь, бабочка, пальпито, мистериозо. – в прописях их арий...

Пелось первое действие потом на улицах народом, как песни.. Обычно так – не бывает... Какое дело рабочему человеку до оперы: баловство для знати, и – только! – Запястье фея чуть дрожит в моих пальцах, синяя жилка пульса проступает яснее.. Я слегка сжимаю ее кисть, надавливая сверху. Ищу в середине изящной ладони ямку пульса, глажу ее... Японский секрет су – джок срабатывает, но медленно... Волнение фея сильнее древних практик.

– И потом, – продолжает тихо фей, поправляя палантин и откидываясь на спинку кресла, – Верди ведь задумывал эту оперу, как камерную.. Личную. Чисто личную историю сердца... Но получилась палитра гораздо шире... Жизнь, властно играющая Судьбами, с трагическим изломом... Она так швыряет героев из стороны в сторону, как в шторм, она насмешлива с ними. За то, что они осмелились считать ее игрой.

– Жизнь – рок? – Танечка Литягина резко и неожиданно присаживается на корточки возле фея, ее красное платье с серебром маленькой броши у левого плеча, переливается искорками в свете люстры, а кудри, собранные в высоко взбитую, замысловатую прическу, все равно непослушно выбиваются на висках.

Одну руку Таня осторожно положила на колено фея и тихонько гладит его. Хочет успокоить? Интересная она, Литягина. Прима курса, кокетка, баловень родных... Но отлично чувствует любое чужое волнение...

– Нет, Танечка. Рок всегда предполагает героину. Так ведь, Георгий? – обращается ко мне фея, повернувшись вполборота.

Я утвердительно киваю, чуть подняв бровь.

– Да, cherrie. Здесь рока вроде и нет. Сюжет то – частного порядка. Подумаешь, роман молодого светского льва и куртизанки – Я развожу руками и сцепляю кисти под коленом, продолжая рассуждать.

Фей с любопытством слушает мою тираду, задумчиво улыбаясь, чуть склонив голову набок. – Собственно, он, роман, изначально и не предполагает никакой высоты чувств. Но жизнь все поворачивает по своему. Опрокидывает. Жизнь, как течение крови в аорте, как пульс. Жизнь – Любовь – нечто неподвластное, яркое, чарующее. Не бабочка, нет.... Но она взлетает на ту же высоту. Ведь бабочка летает до радуги. Даже в дождь...

– Джозефина Стреппони до встречи с Маэстро Верди была певицей, актрисой, немного куртизанкой. – Неожиданно вступает в разговор Ворохов. – Разные были у нее поклонники, меценаты, содержатели. Но встретила своего Пеппинно, и все, как в море нырнула... Так часто бывает. И в этом обычность и необычность жизни.

– Да. Жизнь во всей ее полноте здесь есть. И в этом очарование оперы. И потому слушать ее можно хоть в целлофане – улыбается фея и встает с кресла, одергивая платье. – Ragazzi, а что, кто то принесет мне пирожное и чашечку лимонада? – Она смеется. – Чашечку только. Стаканы там какие то пластиковые, разолью.

– Сейчас, слетаю, не вопрос! – тотчас откликается на просьбу Знаменский, легкий, упругий, как пружина. – Анна Алексеевна, пойдемте со мной, а то мне дадут чтонибудь не то, фигню на палочке? – Обращается Антон к Ане, будто на лету подхватывая ее под локоть, и не обращая внимания на насупленные брови Мишки.

– Чего это он разлетался тут?! Я бы сам принес! – разводит руками Ворохов и садится, закинув ногу на ногу, в трагической позе удивленного миром Чацкого, не забывая стряхнуть какую – то невидимую пушинку с палантина моего тихого фея, стоящего рядом с его креслом.

– Устали, Светлана Александровна? – Шепотом спрашивает Таня Литягина. – Не уходите только. До конца побудьте, а? С Вами так интересно. Папуля мой уснул в своей ложе в середине арии прямо. Что ты делать будешь тут? Мама его в бок пару раз ткнула, потом – плюнула. Он считает, что африканские танцы интереснее гораздо этого европейского занудства... Или песни берберов...

Окружившие нас ребята сдержанно фыркают, улыбаются, а Литягина вдруг резко и решительно стряхивает с плеча брошь и прячет ее в сумочку. –Надоело. Что я, как цаца какая, тут? Неудобно. Васютин Борька тот даже пиджак напрокат брал у кого – то, чтобы прийти сюда! – заговорщически шепчет она мне и фею, защелкивая белый лакированный клатч. Бесшумно это сделать не получается, и беспокойно оглянувшись по сторонам, Литягина бежит к проходу, чтобы взять из рук Знаменского и Ани принесенный десерт.

– Сколько ее отец прослужил в Каире? – Обращаясь к кому то из ребят, кажется, Паше Светлову, тихо спрашиваю я.

– Лет пять. Когда у Тани бабушка здесь умерла, то приехали только Таня и ее старший брат на похороны. – Что то там в Египте такое было.. Родители не смогли выбраться. Он же был пресс – атташе. Его не отпустили

– Хлебные бунты, а потом убили президента. Кажется, так. Британия встала на дыбы, готовились вводить войска. Беспорядок был. Чрезвычайное положение, комендантский час. Толпы людей кричали на улицах. Ее отец был ранен ночным патрульным у посольства. В руку. Вроде легко, но кость неправильно срослась.. Что то там ломали.. Два раза еще. Я с ним вместе

потом лежал в госпитале Чудесный человек. Ему давали седативы сильнейшие, потому что, по ночам, он сильно кричал от боли. Седативы ведь могут иметь последствия.

– Какие? – тарашит на меня любопытные глазищи цвета спелого крыжовника Павел Светлов.

– Ну, засыпает человек внезапно, например, в автобусе, метро, трамвае, где угодно. Расслабившись... под музыку, под любой шум.. – Я с грустной улыбкой смотрю на ребят. Намеренно не досказываю им конца истории. Во время беспорядков в Египте и погромов возле русской дипмиссии, Танечка Литягина, получив сильную психологическую травму – шок, начала сильно заикаться, а поскольку была она в то время уже довольно взрослым ребенком, то лечение ее шло непросто, и, закончив десятый класс, она, вместо факультета иностранных языков на ФМО, должна была выбрать более тихое «болото», где не требовалась четкая дикция и уверенный голос. На двух первых курсах факультета классической филологии Таня проучилась четыре года вместо двух: не могла сдать положенных экзаменов. Профессор Павел Иванович Рабинцер, устав маяться с эффектной, но бездарной, на его взгляд, девицей, не могущей связать по латыни и полфразы, едва не отчислил ее из университета, своей единоличной и горячей рукой декана. Вмешался вездесущий фей, на заседании кафедры кричавший на декана так, что у того с переносицы от удивления сползли очки. Сползли и разбились. Литягина была оставлена на курсе, справка от логопеда, и мое терпение позволили ей тихонечко переползти с курса на курс, сдать устные экзамены на четыре, а письменные – на «отлично».. Частный педагог по речи, найденный феем, с помощью Ани Вороховой, и стоивший немало родителям Танечки, был уже, разумеется, не в счет..

Заикание исчезло бесследно. Танюша расцвела и похорошела, стала бедою и красой нашего занудного факультета, кружила головы всем в группе, но обращала внимание только – на меня, и фасон платья и номер духов фея, все светские привычки которого незаметно изучила с такою тщательностью, будто бы мой крошечный и мягкоголосый фей был, по меньшей мере, звездой эстрады или какойнибудь модной львицей.

***

...Преданность Литягиной семье профессора Яворского стала притчей нашего университета, но не вышла за его рамки. Вероятно, потому что вызывала недоумение неопределенностью, Недосказанностью. Нечеткостью концовки. Никто не знал секрета. Секрет не выдавался. Чуть – чуть отстраненно, легко, высмеивались мною попытки подражания, обрывались нити кокетства, едва протянутые. Но я всегда знал, что, и смеясь, могу положиться на Литягину. В самый трудный момент она поддержит и улыбнется. Или погладит ладошку фея, если тот начнет волноваться.. Фей ведь волнуется по любому поводу.. Мало ли на свете пустяков для его волнений? Всегда найдутся.

Глава восьмая. Признания Ланселота...

За Лешкой Аня едет одна, быстро и решительно рванув юркую «шкоду» с места. Город тонет в огнях фонарей – на центральной площади – и в мареве темноты, если чуть свернуть вправо или – влево.

Едет одна, мягко чмокнув меня в левую щеку, взъерошив волосы Мишке, на плече у которого безмятежно спит Фей. Решили, что Ворохов должен непременно проводить нас до двери. Вдруг – не работает лифт. Восьмой этаж – не шутка для моего больного колена.

...Она заснула, едва сев в машину, которую веду я, поскольку моя реакция лучше в сумерках и темноте.. Я не могу оглянуться, но знаю, что Ворохов караулит ее слабое дыхание и движение ресниц точно так же, как и я, боясь шевельнуться.. Слышен какой то шорох. Это он натягивает на фею меховую накидку, укутывая ноги. Накидка, молчаливым зверем – комком дремала на днище несколько дней, теперь – пригодилась.

– Спит? – Я смотрю в зеркало. Просто шевелю губами. Мишка кивает. Я знаю, он умеет читать с губ. – Пульс?

– Редкий. Устала? – Мишка смотрит на меня, прищурив левый глаз. Точно знаю, левый.

– Температуры нет? – Сейчас Мишкины губы коснутся ее лба... Черт! Я сам учил его так определять температуру. Как у ребенка. Фей и есть – почти ребенок... Я пытаюсь утишить собственный пульс, которому – больно...

– Не пойму. Маленькая? Как малиновый жук? У нее испарина на лбу... – Мишкина рука касается моего плеча. – Давай, пересядь. Я поведу.

– Не надо. Мы уже подъезжаем. Еще не двенадцать? А то сейчас лифт отрубят..

– Половина- Мишка смотрит на светящийся циферблат часов... Хмурит брови, по голосу слышу. – Какой идиот придумал лифт выключать! Не страна, а дурдом... И тут сердце мое останавливается одновременно с Мишкиным, потому что на весь салон раздается стон фея. Он плачет во сне, не открывая глаз, по щекам ползут слезы, крупные, прозрачные

– Не надо, мне так же – больно.. Отпустите, пожалуйста.. Не трогайте, больно.. Отпустите, не надо меня тянуть... .. Сейчас. Грэг, не надо, скажи, не надо ножницы.. Скажи, не надо... Ох, как мне больно...

...Я рывком останавливаю машину, сворачивая на обочину, и не помню совершенно, как оказываюсь на сиденье, рядом с нею, глажу ее волосы, щеки, целую, прижимая к себе ее невесомое тело, не замечая, как колется синий гипюр, как сминается белый мех ее палантина.. соболий... шиншилловый, какой то там еще привез Ворохов из Варшавы?!... Или Милана? Не помню!

– Тихо, тихо, ласточка, голубка моя, я здесь... Успокойся, ну, что такое... Открой глаза, это же просто – сон.. Ну, что ты?!... Сокровище мое, что ты... – Я перехожу на французский, он не звучит музыкально в этот раз... Наоборот, хрипло, как оборванная струна. Я шепчу, рычу, хриплю, околдовываю, останавливаю ее сон, ее кошмар, ее прошлое, ее боль, как было уже тысячу, сто тысяч раз. Кровь кипит в моих ушах, жилах, венах, клокочет где то в середине горла, горячим варом. И...

...И мне плевать, что Ворохов сидит рядом, и смотрит на меня совершенно круглыми, желтоватыми глазами, с ошалевшим черным зрачком, Мне плевать, что он слышит мой хриплый клекот раненного ястреба или коршуна... Раненного страстью неизбывной или – вечным, неумным страхом потери....

...Бретонские мотивы шальных признаний, пронзающих ночь, уместных только – между двумя, может быть, и непонятны Мишке до самого конца, но его чуткая душа художника, ока-

зывается, даже против воли, заморожена ими настолько, что он, сжимая мое плечо и поддерживая спину фея, не замечает, что рвет мой смокинг по шву, вверху...

Она раскрывает ресницы внезапно, очнувшись, вздыхает горлом, всхлипывает, обнимая меня, вжимаясь в мою грудь, куда то – под ключицу, на ребро, где стучит сердце. Мое? Или ее? Сейчас – непонятно...

– Господи, Горушка, мой хороший, что это? Мне же кошмар приснился, – она хрипло выдыхает, еще не проглотив всех слез, – Как будто меня заковали куда то, в цепи, потом – в колоды, знаешь, такие большие, так больно ноги, как будто жилы рвутся.. Она рывком поворачивается, поднимается, принося губами к моему рту, щекам, векам... – Напугала, да? Прости? Любимый, прости меня... Мишенька, и ты тоже – прости... И что такое это?! Мы же не «Дон Карлоса» смотрели, чтобы приснились эти «сапоги испанские».. О, Боже!... Она вдруг сдавленно охает от боли, в попытке сесть удобнее...

И – кричит, откидывая голову назад, на спинку сиденья, бледнея, моментально, до синевы:

– Миша,ними туфли.. Ради Бога! Туфли... Судорога.. Скорее, туфлиними... Ох, как больно... – Мишка, сжав зубы, осторожно сминает в руках крохотную серую замшу туфель фея, бросая их на днище машины. Я вижу как его пальцы разминают с усилием ее скрюченные стопы, щиколотку, лодыжки...

Опять прозевали... Пропустили припадок судорожный.. Конечно, она же шла по лестнице... Вверх, вниз... В театре же нет лифта. Провинция. Черт, – я хлопаю себя по лбу, вспомнив про лифт дома. Это конец. На восьмой этаж придется идти пешком. Нести ее. Хорошо, что мы вдвоем с Мишкой.

– Голубка... Любимая моя.. Девочка.. Жизнь моя! Потерпи немножко! – я осторожно растираю ее холодные руки, спину, сквозь тонкий гипюр, слыша кожей, своим хребтом, ее напряжение и отчаяние боли...

Она качает головой из стороны в сторону, резко выдыхая, пытаясь сделать вздох еще глубже.. – Да.... Больно и не проходит.... Миша, ты сильнее три, не бойся..

– Надо бы спиртом. Тут водка где то была. В бардачке... – бормочет яростно Мишка, продолжая сжимать в ладони ее крохотные стопы, пятку. – Я же медведь ярославский, я тебе пальчики ломаю... Прости, а?

– Нет. Горушка еще больше трет... – Она, кажется, улыбается сквозь закусенную губу, сквозь слезы. – Дергает так, где сухожилие. Да, вот здесь.. Горушка, покажи ему?

...Я осторожно кладу руку на правую лодыжку фея и чуть тяну вниз стопу, не дыша, и поворачивая ее. Она вся в моей ладони. Замерев на миг, от страха, резко дергаю крохотную ножку в тугом капроне – вниз, прижимая ладонью сразу все ее пальцы. – Фей стонет от боли, но пальчики тотчас распрямляются. Судорога утихает..

– Вот так и надо, Миша. Не бойся... Подержи еще... У тебя руки теплые. Я, наверное, просто замерзла... А куда мы едем? Горушка, куда? Разве не на дачу? – волнуется фей, смотря на меня огромными глазами.

– Голубка, тише, тише, не волнуйся, мы домой едем.. – Я осторожно целую ее в висок, щеку, прижимаю к себе. – На даче холодно. Сейчас приедем, примешь ванну, ножки согреешь, и – спать.

Фей, кусая губы, смотрит, куда то вбок, на Мишкины «щвейцарки», потом берет у меня из кармана куртки сотовый... Что то набирает, кучу каких то цифр, по памяти, почти в темноте, и мягким, глубоким голосом произносит в квадрат мобильного, с расстановкой пауз и дыхания, вцепившись свободной рукой в мой локоть:

– Алло, Паша? Паша, это я.. Мы едем, уже близко... Не выключайте лифт, скажи деду.. Да? Как хорошо.. А мы в театре были... Потом, тут, в пробке стояли, чуть чуть... Тебе книжка то понравилась? Ах, дед читает? Ну и хорошо.... Я рада..

Обалдев до яростного звона в ушах, мы с Мишкой смотрим друг на друга,.. Потом фыркаем и одновременный приступ хохота сотрясает нас, освобождая, и даря волну тепла, пробегающего по спине, плечам, кисти, центральной точке сердца... Фей вернулся... Фей звонит по телефону... Какому то поклоннику. У фея всюду – поклонники. Потрясающий, независимый, волшебный, маленький фей... Мой фей...

– Горушка, что ты себе думаешь? Это же внук нашего лифтера.. Я ему свою книжку дала почитать. Про море, помнишь?

– Как же, Madame... Везде эти Ваши – тенора! – Я резко щелкаю пальцами и поднимаю глаза и руки кверху в артистичном, нервном жесте, будто бы отпуская навстречу вездесущего ангела ревности. – Куда же нам без них!

Я усиленно изображаю пылкую «сердитость», отвернувшись от нее, и пытаюсь закрыть окно в машине. Стекло поднято до упора, красная кнопка с недоумением, нервно, мигает, расплавляясь в коже подлокотника Разгадав мою игру, фей осторожно касается пальцем камня моего подбородка и повторяет его линию, выдыхая нежные слова мне в ухо, но это отлично слышит и Ворохов...

– Любимый, да чихать мне на всех: теноров, на дирижеров, на солистов... На всех, кроме тебя. Мне только ты нужен... Как же точно ты недавно сказал: «Мне нужна лишь твоя тяжесть тела, лишь твоя нежная глубина до сердцевины звезды, лишь твой выдох в небо, когда голова твоя лежит на моем плече, а затылок пульсирует в моей ладони.. Только твоя... Другие – не моя весовая категория.. Понимаешь, не моя... Еще раздавлю! Или – раздавят!» – Она нежнейшим, страстным, ползущим поцелуем повторяет контур моей щеки, губ, выгибает спину, как кошка, и кладет голову на мое плечо.. – Обними меня!.. Крепче.. Вот. Мне на колготки нужно было носки надеть. Просто – носки. Но кто же идет в театр в носках?! Хотя, если Виолетта с тазиком по сцене носится, то..

– Обалдеть! – Хрипло шепчу я, и потерянно подмигиваю Мишке – Я думал, она не слышит, спит..

– Да, брат, круто ты попал! – Щурится мне в ответ левый глаз Ворохова. – Такие признания – рискованны.

– Только не в присутствии Дамы в черном... – Я нервно скашиваю рот влево, давлую зевоту..

– Ты был похож на зверя.. На раненного зверя... Не холеный профессор, а средневековый Ланселот, в грубом рядне, только что зарубивший мечом парочку пьяниц, скосивших глаза не в ту сторону, на пятку королевы Джиневры или на след на песке от ее покрывала.. Я думал, ты и меня зарубишь! Мимоходом.. Ну, ничего. Ради нее, я думаю, можно! – Мишка опять подмигивает мне, и перескакивает, как пантера, на водительское сиденье. Машина, рвет с места, сверкая фарами и урча, как очнувшийся от дремоты зверь, довольный и сытый.

– Ты, главное, Ане не забывай такие же слова говорить в нужную минуту. Остальное – неважно. Разберемся. Я никогда не рублю с плеча.– Говорю я Мишке вполголоса, одной рукой касаясь его правого плеча, а другой -прижимая к себе драгоценную ношу.. Кажется, она опять задремала...

Глава девятая. Тарантелла фея...

Едва войдя в квартиру, и повиснув на моем локте, фей, снимает туфлю с правой ножки и бросает ее, без прицела дальности, вглубь прихожей, с воинственным криком амазонки: «Ура, мы до-оо – ма!»

– Тише, тише, любовь моя! – Я со смехом прижимаю ее к себе... – Ты же всех соседей так перебудешь!

– Madame, с Вами всегда – полный абзац! – Немедленно фыркает и грохочет смехом за моим плечом Ворохов. – Может, мы еще и тарантеллу спляшем?

– Давайте! – Моментально соглашается фей, и в прихожей начинается что то невообразимое: летит в темноту квартиры второй туфелек, замша которого безнадежно смята, на головке фея оказывается моя запыленная старая шляпа из фетра, с верхней полки гардероба, а в руках – пояс от кожаного плаща, который она превращает не то в обруч, не то в лассо, не то – в змею, опутывая им ошарашенного в конец Ворохова.

...Она танцует босиком, будто кружится маленькая искорка от костра, гибкая, теплая. Или – змейка – саламандра, согретая на углях саксаульного костра в недрах огромного песочного безмолвия...

Мишка вторит ее танцу, живому и солнечному, несмотря на ночь. Да. Вот именно. В ее танце нет лунного холода. Только солнечный, медленно плавающий жар. Она кладет руку на его левое плечо, потом правое, она кружится вокруг него вихрем, а ее щиколотка и ступня, ее пятка, просто есть продолжение линии пола, одно целое с ним... Жаль, что в крохотных ладонях у нее нет бубна.

..Мишкина сильная грация зрелого гепарда только оттеняет ее пронзительную тонкость прозрачной, серебристой, горячей, нежной, плавающей вокруг него огненной ленты, мига, солнечного луча, жизни...

Я вхожу в этот танец третьим. Незаметно для себя. Вскидывая кверху ладони, отсчитываю ритм этой бешеной тарантеллы, на которую у нее не должно хватить дыхания... Не должно. Но – хватает. Моя рука на ее левом плече. Потом на правом... Я вижу, как по ее виску сползает маленькая соленая капля, но глаза, так глубоко вобравшие в себя теплый кипящий янтарь ночных фонарей, смотрят на меня, улыбаясь, а ямочки в углу рта, оттеняют мягкость щек и подбородка. У нее очень мягкая линия подбородка. Моя рука поддерживает ее спину. Сквозь бархат и гипюр я чувствую контур ее лопаток. Где то в их срединной ямке испуганной птичкой бьется пульс. Мои губы прилипают к ее шее, мочке уха, обдают жаром родинку на виске:

– Любимая, потрясающе! Мы с тобой так давно не танцевали уже лет пять, да? Еще чуть – чуть, и все это кончится яростной эротической сценой на полу... Клянусь... Я не могу... Ты меня сводишь с ума... Совсем...

– Хорошо, любовь моя!... Я согласна. – Она чуть пожимает плечом. – У меня пятки ломит.. Страшно немножко. Держи меня. Помнишь, доктор говорил как – то, что можно побороть это – танцем? Помнишь, да? – Ее зрачок чуть расширен от затаенной боли.

По прежнему, танцуя, она легко подводит меня к краю широкого голубого пуфа в прихожей, у зеркала, и мы садимся на него одновременно. Она оказывается на моих коленях с совершенно прямой спиной. Обнимает меня за шею. Целует в висок. Он влажен от пота.

Мишка садится у косяка гостиной, тоже прочертив по нему гибкую линию позвоночника..

– Ух, ты! Здорово. По – моему, я десяток лет разом сбросил.. Классно, ребята. – Кисти Мишкиных рук, подвижные и нервные, повисают совершенно свободно вдоль тела. – Аньку бы еще сюда... С Вами – вообще классно. Всегда. Спасибо.

– Пить хочешь? – соскользнув молнией с моих колен, фей касается всей ладонью головы Мишки. Он трепетно ловит губами ее запястье. Выпускает тут же... – Сейчас я принесу. Где то был томатный сок и холодный лимонный чай. Кто что хочет?

Я выбираю горечь чая, Мишка – томатный сок. Фей, вручив нам стаканы, и сидя на пуфе, смотрит на то, как я стягиваю с себя смокинг, отстегиваю квадратики запонок, осторожно роняя их на подзеркальник трюмо. Потом берет меня за руку, целует пальцы, перебирая горячим дыханием. Шевелятся и пальчики на ее крохотных ножках.

– Устала? Где то тут тапочки твои. – Я наклоняюсь, отворяя дверцы гардероба, и почти тотчас отыскивая в нем пушистое великолепие бардового цвета, невесомое крохотное «лебяжество», отороченное тонкой шелковой нитью. Привезено из Парижа. Это было то время, когда мне приходилось носить ее на руках чаще, чем сейчас. Тапочки почти не износились. Она редко надевает их. Мы даже забыли взять их на дачу.

– Сейчас... Дай ножку. Что ты?! – Она смотрит на меня и морщится. Смешно. По детски. – Что такое? Больно? – Я ощупываю ее стопу и лодыжку. – Все в порядке, ласточка моя, что ты? Где болит? – Встревожено и внимательно смотрю на нее. Опять судорога?! Только этого нам не хватало. Сердце ухает камнем вниз...

– Нет. Не больно. Мешает мне вот там! – сердито произносит она, и голос ее становится резким и хриплым. – Колется что – то такое. Внутри. В тапочке. Я не нарочно. – Она закусывает губу, на ресницах ее тотчас повисают капли – слезинки.

– Э – гей, не плачь, королева, ты что?! – Гудит рядом шмелиный баритон Ворохова. – Какая чепуха, зачем плакать? Ну – ка, дайте мне сюда это чудо. – Мишка осторожно берет в руки тапочек, дует на легкий помпон вишневого цвета и ощупывает пальцами подошву, стельки. А – а! Да тут просто отклеилось по шву, в носке.. Поэтому – давит на пальчик. Ну, ты совсем королева.. Как в сказке.. – Мишка с неподдельным любопытством и восхищением смотрит на фею. – И где же это вот таких, как ты, производят?

– Нигде. Они – штучные. – Прищуриваюсь я и подмигиваю фею. – Моя голубка – эксклюзив.

– Знаем, знаем! – Мишка надевает поверх смокинга плащ и становится похожим на чужака – инопланетянина... – Поеду я, ребята, поздно уже! Что тебе привезти, королева, говори? Тапочек – само собою. Я его заклею.. У меня есть такой клей, для холста и рам. Все будет о, кей. А еще что? Ну? – Он присаживается на корточки, возле фея, поглаживая ее пальчики. – Что привезти тебе? Печенья, шоколаду, что? Не более только. Христа ради! Если бы Анька в машине была, она бы с ума сошла сразу! Она тебя любит, как сестренку, надышаться не может на тебя... Не более только.. Пиши свои стихи. Книжки пиши свои... Ради Бога!

– Миша, у меня такая смешная жизнь.. – Фей, склонив головку к плечу, улыбаясь, грустно смотрит на Ворохова своими озерами глаз..

– Почему? – удивляется Мишка, по прежнему, держа в своей сильной руке ее ладошку. – Как это? Что значит это – смешная? Чего это ты?

– Ну как же? Я даже себе тапочки купить не могу. Нет таких ра-ааз – меров! – Фей опять морщится и вдруг чихает. Смешно, трогательно, как котенок.

– Я тебе сказал же: заклею эти. Будут, как новые! Ну- ка, давай, в ванную, бегом, и спать! – Мишка осторожно приподнимает фею с пуфа. – Грэг, ну – ка, бери ее. Тащи в ванную. Купай, грей... Завтра, на даче, на чердак полезу, буду смотреть, что там с отоплением. У тебя когда лекции?

– Завтра нет. Свободный день. Вместе поедем. Ближе к обеду. Надо отоспаться.

– Я с вами! – Зевая, бормочет фей и вдруг обращается к Мишке – Ты мне можешь куклу купить? Такая, знаешь, фарфоровая, в красной бархатной шляпе.. В кринолине.. Это в мага-

зинчике, там, на площади, слева от театра.. Я видела, когда мы мимо проезжали. У нее в руках еще веер.... Мне для книги нужно...

– Не вопрос, Madame. Ваша воля. Завтра привезу. Спокойной ночи!

Фей, обняв Мишку за плечи, и чмокнув его в наклоненную макушку, исчезает в боком повороте прихожей. Уже у двери я протягиваю ему деньги

– Зачем? – Мишкины брови ползут вверх – Что ты выдумываешь, убери! Между мушкетерами не принято, брат...

– Кукла же дорогая. Антиквариат. Ручная работа. Ты так избалуешь ее. Зачем?

– Королев нельзя избаловать. Их можно только боготворить. На это есть право у каждого подданного. – улыбается довольно Ворохов и, прищурившись, подмигивает мне. – До завтра.. Поеду я... Звонить не буду. Поздно. Давай. Пока. Боже, храни Королеву! – насвистывает Ворохов и исчезает в полусумраке лестницы, подмигивая мне обеими глазами и поднимая руки вверх.

Глава десятая. Сто мер золота фея...

....Когда я вхожу в спальню, то вижу фею, безмятежно свернувшегося клубочком поперек кровати, в махровом халате апельсинового цвета. Фей спит, и спит так сладко, что будить его это – преступление... Я и не бужу. Просто беру на руки.. Пушинка.. Халат весит больше, чем она... Кажется, под халатом нет ничего. Абсолютно. Зажмуриваюсь на миг. Глубоко вдыхаю. Весь ее аромат. Сразу.

– Ты меня не уронишь? – Она сонно вздыхает, уткнувшись носом в мое плечо. – Я не нашла... – она зевает – Не урони... пожалуйста... Спать хочется..

– Спи... Конечно, спи... Только, давай, снимем вот это.. И ронять тут нечего.. Одни перышки, да крылышки.. Ангелочек... – улыбаюсь я. И осторожно развязываю пояс халата... – Вот так. Ручку подними, Умница... Теперь – другую... Что ты смеешься? Что такое?

– Как будто я опять – маленькая... – Она смотрит на меня, подняв головку вверх.

– Как хорошо быть маленькой.. – И тут вдруг она морщится и начинает растирать тонкой рукой, резко наклонившись вниз, пятку левой ножки.

– Нет... Не получается, милый.. Не получается... быть маленькой.. – всхлипывает она – Видишь, вот... Больно опять... Там, что, снег? – Кивает головой на проем окна.

– Нет. Дождь. – Я приглушаю свет ночника еще на одно деление, поправляю подушки. – Ложись.. Я разотру ножки... Согреешься, и все пройдет. Давай. Вот так, ложись. Вот и рубашка твоя.... Нашлась. Под подушкой... Сколько же она тут лежит? Два месяца? – Я осторожно окутываю фею прозрачным облаком вышитого батиста и шелка, и тут же слышу ее приглушенный стон.

– Милая, сейчас... Я недотепа... Прости. Что ты? Что такое? Больно? Где?

Она смотрит на меня сквозь ресницы и дотрагивается пальцами до кончика левой груди.

– Тут вот больно... Может быть, это от корсета? Зачем я его надела?!

– Ласточка, дай, я посмотрю... Боже мой.. Тут царапина.. Откуда? Ты что, упала? Нет, господи, что это такое? Такая нежная кожа... Моя девочка... Тише.. я только подую... Так красиво... Розовый рубин... Мой рубин...

– Перестань, мне – щекотно... Что ты делаешь? – Ее губы открываются навстречу моим... – Ты опять хулиганишь.. Нет тут царапины.. никакой.. Просто больно... отпусти.. Баловень такой.. Негодный мальчишка... Грэг..перестань, прошу тебя! Лучше скажи, почему больно? Рубашка мягкая, а мне... Кричать хочется... Правда.

– Мне кажется, я знаю секрет... – Мои губы касаются ее уха.– Рука скользит по колену. – Он у каждой женщины – свой... И его не всем доверяют.. У таких, как ты, он – особенный..

– Это почему еще? – Фей приподнимается на локте, удивленно. – Ты опять что то выдумал... Это просто потому, что ты меня любишь, да?

– Ну, и поэтому тоже, сокровище мое... – Тотчас же соглашаюсь я... – А вообще, ты просто – Женщина на сто мер золота. Я давно это знаю. Еще со времени нашей первой ночи... Там, на парижском чердаке...

В эту же минуту фей выдергивает из – под своей головы подушку, и яростно швыряет ее в меня, шипя:

– Чертов хулиган! Замолчи сейчас же! Знает он... выдумщик!... Что ты знаешь?! Что я была дура – барышня? – Отпусти.. Отпусти меня сейчас же вот... Негодный мальчишка!

– Ты была и есть – прелесть... Моя прелесть! Только моя! – я хрипло смеюсь... – Осторожно, ласточка, головку ударишь.. Ну, успокойся, что ты... – Сумасшедшая... Как я люблю, когда ты такая... Всякую люблю, но -такую... Мммм! Обожаю... Подними ножку выше.. Положи вот сюда.. Так удобно?... Не больно? – Мои пальцы касаются ее лодыжки, потом – того

места, где скрывается подрезанное сухожилие... Расслабься, сокровище мое.. Ну, не бойся, что ты! Смешно же это, ты что, меня до сих пор боишься?

Она качает головой, прикрыв ресницами бездонные глаза, кусая губы.

– Нет. Я никогда не боялась тебя. Даже в первый раз.

– А что? Ну что же – тогда?

– Я такая неуклюжая.. Как деревянная.. Мне тяжело то повернуться, то -встать.. А ты со мной.. Как будто я... пух какой то...

– Ну да, ты и есть – пух.. – Я киваю и осторожно вбираю в себя губами мягкую кожу правого полушария вместе с нежностью кораллового кончика.– Такой легкий, легкий.. Раз – сразу в облака... Ищи тебя потом.. Как бедуин в пустыне воду.. О, боже... Такая ты у меня.. Тише, тише.. Ну, вот, я же говорю.. Сто мер золота..

– Да про что ты, я не пойму! – смеется она.– Придумаешь что то.. Непонятно, что такое...

– Все понятно. Такие женщины, еще со времен сарацинских походов, ценились в гаремах султанов и падишахов на сто мер или сто талантов золота. Их искали днем с фонарями. Ради них убивали, грабили, отрезали языки, рубили руки...

– Ужас какой – то... Кошмар! Что ты говоришь! – она обводит тонким, нежным пальчиком контур моих губ – А почему? Что они сделали такого?

– Ничего. Ничего, моя ласточка... Просто с ними каждая ночь султана была, как первая.....

– Грэг... О, господи, что ты говоришь... Как это? Ох, и я то – хороша, – Бог знает, что у тебя спрашиваю! С ума сойти! – Она поводит плечом, как будто ей холодно, и приникает губами к моему шраму под ключицей.. – Я, кажется, понимаю... Это.. строение тела, да?...

– Да, милая... Очень хрупкое. И закрывается, и открывается там все – медленно, как бутон граната, как розовые лепестки, как бархат фиалки... Такие женщины в гаремах содержались на особом положении, с них просто сдували пыль.....

– Как ты – с меня! – молниеносно и решительно заключает она. – И на кой черт они сдались султанам, такие недотроги?! – она пожимает плечами....

Мой фей неподражаем! От неуклюжей попытки сдержать смех, я начинаю нервно кашлять. Она осторожно гладит меня по спине.., Трогает мой лоб в поисках испарины.

– Прелесть моя, вот и нужны они, потому что – недотроги. С такими – испытываешь особое наслаждение.. Непередаваемое просто. Каждый раз... – Я щелкаю пальцами и поднимаю глаза кверху.

Она с интересом смотрит на меня, фыркает, пожимает плечами:

– Да? Надо же! Ну, не знаю... Придется тебе на слово верить...

– Да уж. Поверь, пожалуйста! – Мои плечи вздрагивают от смеха. Я наклоняюсь к фею, осторожно касаюсь пальцами кончиков груди. – Ну, вот, я продолжу, да?... У таких, как ты, голубка, все – хрупкое.. Кожа, лоно, грудь, пальчики, все лепестки твои, даже дыхание и то – хрупкое.. Все завязано на лунных днях, понимаешь? Приходит срок, и тело просто начинает тебе напоминать, что ты – маленькое сокровище, на сто мер золота, на десять караванов верблюдов, на сотни карат алмазной пыли.. Вся ты становишься, как натянутая тетива тугого лука. И этому луку нужно только помнить, как важно уметь быть нежным и терпеливым... Кажется, я пока справляюсь, как ты считаешь?

– Любовь моя, более чем.. – Она осторожно гладит меня по щеке ладонью.. Мне вот и без всяких чудес там.. построения... с тобой всегда хорошо.. Как тогда, в Париже.. под голубиное ворчание... Или – мне казалось? Шел дождь?

– И дождь. И голуби... И кофе был горячий...

– А Мишкина картина криво висела на стене... Так, слегка.. Гвоздь покосился.

– Да. Помнишь, какое у него было лицо, когда он поднялся наверх, и увидел нас?...

– Гибельно – восторженное.

– Почему – гибельно? – Фей удивленно поднимает брови вверх.

– Ну, он же увидел, как у меня на плече дремлет настоящий ангел. И тут же влюбился. До гибели. И смертного часа.

– Да ну тебя! – Фей фыркает и, отворачиваясь, начинает кашлять – Что ты придумываешь?? Зачем так? Не надо... Ревнуешь, что ли?

– Почему – ревную? Я тебе объясняю. Иначе и быть не могло. В ангелов все влюбляются до гибели. Это ни от кого ни зависит. И нет ничьей вины. Он боготворит тебя. Это немножко другая ступень... На нее есть право у всех. Не все поднимаются. Не всем дано. Он художник, он – смог... Ласточка, что же ты кашляешь – то, а?... Что такое? Замерзла? Дай – ка, укутаю. Вот так.. Моя девочка...

– Нет.. Это так... Лунный луч застрял в горле... – улыбается фей. – Знаешь, Мишка мне рассказывал однажды, как он сидел в саду, под антоновкой, у бабушки, в Ярославле, и пытался нарисовать ангела. Все получалось. Даже лицо, такое удлиненное, профиль строгий.. А вот глаза... И – крылья.. Никак не удавались... И тогда он крепко зажмурился, лег на траву и представил твое лицо.

Лицо мальчишки в двенадцать лет, когда вы играли в футбол, во дворе.. Тебе уже тогда было больно, но ты бежал к воротам, преодолевая боль, забывая о колене, тебе так хотелось забить мяч.. И вот, представив это лицо, и твои, раскинутые, как крылья руки, он тотчас же набросал все, что ему нужно было.. Просто, в тот момент он увидел, как Дух преодолевает Тело... Быть может, он считает ангелом – тебя, а не меня вовсе.

– Ну, да. Серафимом этаким. В профессорском чине. – Я снова улыбаюсь. И целую фею в макушку..– Все. Закрывай глазки, ласточка.. Давно спать пора. Я вот тебе сейчас колыбельную спою... Хочешь?.. Старая такая, под нее быстро засыпаешь... Это я нашел в старых пергаментах, там одни кляксы и буквы стерлись, но я постарался разобрать.. Закрывай глазки и слушай.. Как же там начинается?, А, вот...

Моей любимой ножки
Бежали по дорожке,
А крохотные пальцы
Намокли от росы
Серебряною крошкой
Осыпал месяц небо,
Он пил коктейль туманный
У самой полосы,
Где рожь впадает в солнце...
Моей любимой губы,
Щеки моей коснутся
Прохладою овея,
Лаская и дразня...
...Моей любимой ножки...
И травы – не помнутся...
Под нежной дрожью пальцев,
Росинками звеня...

Когда я допеваю последний катрен, фей уже спит... Но теперь я не уверен что он меня не слышит..Даже и во сне...

Глава одиннадцатая. Фьоретта, кукла для фея...

.... – Мальчики, кому – сколько? Говорите. Горушка, тебе шесть хватит?

– О – ля – ля, зачем – шесть?! – Мои брови поднимаются домиком, в то время как фея укладывает на тарелку солнечное кружево блинчиков. – Я же лопну! Еще сметана.. И не полезу тогда ни на какой чердак, гори он синим пламенем!

– Хм... А мне еще давай три... Вкуснотища такая! – Ворохов сочно макает блин в масло и отправляет в рот... – И еще потом штук пять, хорошо?

– Хорошо, – ласково смеется фея – А котлету будешь? С рисом или без гарнира?

– С гарниром это – добавка! – подмигивает фею Мишка. – Сначала давай – без гарнира. Сама почему не ешь?

– Я уже поела. Пока пеклись. Горячие. – Мягко и как то устало улыбается фея. – Пойду, переоденусь. Вы ешьте. А то там начнем возиться, вдруг не получится обедать.. – Она отодвигает стул и, проходя мимо Ворохова, осторожно целует его в макушку:

– Спасибо за куклу, Мишенька. Такая красавица, чудо...

– Madame, это Вы – лучше всех... И, потом, кукла это же – Ваш портрет... Копия просто. – Мишка ласково гладит запястье фея. Но едва она выходит из кухни, бросает мне озабоченно:

– У нее пульс – под девяносто... Как бы ее дома оставить? Давай, Аньке позвоню? Или – ребята с худграфа прибегут?

– Она не захочет. Она просила отвезти ее в сад...

– Тьфу, черт... Вся прозрачная, как стекло.. И до сада не довезем, рассыплется..

– Ми- ша —а.. Не надо, я вижу.. Вижу я... – Я отворачиваюсь, смотрю в окно, барабаню пальцами по дереву в тон ореха..

– Что можно еще?! Что сделать, скажи? Давай, в Германию ее, в этот Баден, или как его? У меня там друг, я договорюсь, поживете у него.

– Не надо. Пока. Сказали, не менять резко климат. И сердце подсело сильно у нее после препаратов...

– Сказали.. Сказали они.. Кандидаты в доктора, мать их! – Мишка обхватывает руками голову.

– Миш, не надо. Ты об Ане думай, у тебя Лешик... Мы – сами.

– Какого черта, Грэг?!... Ты соображай уже, что говоришь?! Вы мне чужие, что ли?... Ты мне – роднее брата.. Мы с тобой кувыркались в Лионе, в машине, летели два метра, выжили, чуть к Богу в рай не отправились, зря, выходит, по – твоему?! – Мишка яростно кривит губы, и смотрит на меня, прищурив левый глаз.

– Нет, но... Ты об Анечке должен больше думать..

– Чего это ради то? Что о ней думать? Она – моя жена, ни в чем нуждается, здорова, как лошадь, вчера мне весь салон прокурила, на фиг, пока Лешку забирала от соседей, на стоянке выветрить не могли. Дурью баба мается, хоть ты тресни... Нет заботы, так найдет... Я ей говорил, орал уже на нее, она все – свое... По пачке в день смолит, хоть бы что! Пусть сама о себе больше думает. А тут... тут.. – Мишка сжимает кулаки, качает головой. – Да ты понимаешь же лучше меня, во сто крат, что у Ланочки – время в кулачке, она на все, что вокруг нас есть, как в колодец смотрит. Слова у нее, как звезды, до сердца достают... Я ее книги уже наизусть знаю, строчки – не учу, они сами в меня влетают. Как псалмы. Таких, как она, ну одна на миллион, может, и то – нет.. А здоровья – ни фига.. Хоть бы на йоту.. Шальной этот Бог... Пьяница, не иначе! Куда он смотрит?

– Мимо, Мишенька, мимо! – Я усмехаюсь. – Я ему уже этот вопрос не один раз задавал... И в Нотр – Дам де Пари, и в Сен – Сюльпис, и Сен – Микеле, и в Санта – Мария дель Фьоре.. Везде – только гул под сводами.

– Мальчики, помогите, а? – Тихо входит на кухню фей в застегнутом пальто – накидке со светло-серой меховой оторочкой из норки и маленьких замшевых сапожках, с расстегнутой молнией по бокам.. – Не могу, замки заело... – она смеется – Ну, побудьте еще принцами пять минут, а потом – ругайтесь!

– Мы не ругались! С чего ты взяла? – В один голос тараторим в ответ мы с Мишкой, бросаясь к ней с обеих сторон и осторожно усаживая ее на диванчик, с краю стола...

Через две минуты крохотные сапожки застегнуты, накидка – пальто тщательно завязана у горла и фей опять непослушно бегают по квартире, проверяя, закрыт ли балкон и фрамуги на окнах.

– Мишенька, ты возьми, там, на диване, в гостиной, коробку и одеяло? Это я с собой приготовила..

– Да, Madame! Не волнуйтесь. Все, что желаете, и сверх того.. Перышки, крылышки, et cetera... cetera? – Мишка улыбаясь, подмигивает фею.– Тихонько бегайте. Два шажка. Грэг, ну скажи ты ей!

– Ми – ша – а! – Протяжно ахает она вдруг, всплеснув крохотными ручками с тонкой нитью жемчужного браслета. – Тапочки, не забыть же, тапочки мои..

– Я уложил их, ласточка, они в пакете уже. Не суетись. Сядь, сейчас мы все соберем! Христа ради, сядь! Отдохни немножко! – я пытаюсь снова усадить ее на диван, теперь уже – в гостиной.

– Что Вы, Madame, как же это можно – забыть тапочки! Зря, что ли я их, клеил, чистил, вытирал, блин, целых два часа?! – картинно заводит глаза под потолок Картуш, одной рукой поддерживая локоть фея, и сверток с одеялом.

Фей тотчас же хохочет, запрокинув голову:

– Миша, я тебе скоро надоем так! Ты что ли – мой сапожник? – Она смотрит на него серыми огромными глазами, по привычке – кусая губы. Глаза у нее, как аквамарин или сапфир, или изумруд, меняются, в зависимости от цвета одежды. Становятся то глубже, то темнее, то прозрачнее. То холодны, то горячи, как ключ или гейзер, бьющий из – под земли.

– Все, что угодно, Madame, как угодно, кто угодно: художник, шофер, сапожник, швец, жнец, на дуде игрец, только – подле Вас...

– А твоя кукла, ласточка? – Я яростно сворачиваю четырехугольником ворсистый плед и убираю его под диванную подушку.– Ты ее возьмешь с собой? – Киваю на хрупкое фарфоровое чудо, стоящее в углу объемного велюра, на диванных валиках. Белолицее, фарфоровое дитя, с чуть приподнятыми бровями, кокетливо – капризно изогнутыми, в настоящей бархатной шляпке, с крохотным страусиным пером белого цвета, с крохотным же – веером «бордо», украшенном инкрустацией из хризолита, в пышном кринолине, с рюшами по вороту, рукавам и подолу, совершенно не похожа на фея.

...Но все же она, чем то, неуловимо напоминает мне его.. Хрупкостью. Волшебностью... Нежностью. Удивленностью перед миром, которое тщательно выписано на тонком лице неведомым мне художником столетней давности. Кружева на вороте и манжетах у куклы слегка желты, лак на щечках потускнел...

– Горюшка, я бы так хотела! Можно? – фей вопросительно смотрит на меня. – Мне нужно описать ее. В книге.

– Да, конечно! – Тотчас согласно киваю я. – Я уложу в коробку, вместе с теми фигурками, которые ты хочешь взять... А про что – книга? Это сказка?

– Нет. Это история о графине Форнарине Баруэлл, итальянке французского происхождения или – наоборот.. Помнишь, ты мне рассказывал о свитках времен королевы Елизаветы Первой Тюдор в одном из замков, в окрестностях Нортемгемпшира?

– Да, милая. – Я удивленно приподнимаю брови, внимательно смотрю на фею. Она все помнит, когда бы ей не рассказали, и где бы она не прочла это. А с виду мой фей – такой рассеянный и легкий... Как ангелочек или эльф. Порхает, почти не двигая крылышками... Роняет везде свои серебряные шарики смеха. Забывает выпить лекарство или горячее молоко, или – воду с медом на ночь. Путает валериану с коринфаром, называя его, упрямо и насмешливо: "карфагеном"..

Ее нельзя оставить одну и на пять минут – упадет или рассыплет чтонибудь, и можно положиться на нее во всем, что только можно вообразить себе тайного и сложного. Запутанного, неестественного, непреодолимого и неизбежного. Положиться – на всю жизнь, как на камень или – стену.

– И что же такого сделала, эта графиня, что ты про нее книгу написать хочешь? – Мишка Ворохов с нескрываемым интересом и восторгом смотрит на фею.

– Ради своего супруга и возлюбленного, графа, королевского ловчего, Джорджа Баруэлла, графиня Фьоретта Росси убила любовника королевы Лиз, герцога Дартмутского.

– Как это? Отравила, что ли? – Мишка явно увлечен рассказом феи. Я тоже. Но – держу паузу, боясь прервать.

– Нет. Застрелила из арбалета. Отравленной стрелой. Яд синильной кислоты. Королева Лиз была ее сводной сестрой, но графиня не считалась даже и с этим. Герцог Дартмут хотел обвинить графа Баруэлла в заговоре против Ее Величества...

Фей произносит последние слова так естественно, как будто призрак королевы Елизаветы Тюдор только что покинул нашу гостиную. Мишка вздрагивает и оглядывается на дверь.

– Фу, ты... Мурашки по спине.. Ну, ты даешь, Ланочка! Так что, не кисни, пиши. Это же, как его, бестселлер же будет! Ты уже много написала?

– Нет.. Где то – четверть... Не успеваю... Много читать надо...

– Но всего этого нет в документах! Там изложены только основные события. Графиня Фьоретта, вместе с супругом, была приговорена к казни за измену, помилована королевой. Откуда ты знаешь все подробности?! – Я потрясенно смотрю на фею. – Арбалет, и все такое? Что стрела была отравлена именно синилью из дробленой вишни, не знал никто.

– Кроме коннетабля. – Улыбается фей и берет меня за руку. – Я и не знаю, любимый. Мне просто во сне это приснилось.. Еще приснилось, как Фьоретта с королевой Лиз играли в серсо, на лужайке, перед каким то замком. Раньше играли в серсо? В средние века?

– Всегда играли, *carissima, a vita mia**, – Я внезапно хриплю и судорожно глотаю, сжимая в своих ладонях ее крошечные пальчики. – Только предметы игры разные были... Медные, стальные. И какая же она, королева Лиз, голубка?

– Рыжая... Волосы, как мед расплавленный. Такая теплая... Нежная кожа Светятся прожилки. А веснушек не было у нее. Притирания, белила.. И она мало старалась бывать на солнце. А с тыльной стороны правой ладони у нее родинка.. Крошечная. И у Фьоретты была такая же. Как знак, что они кровные сестры.

– У тебя такой нет. Точно. – Я прижимаю к своей щеке, губам, виску тыльную сторону ее ладошки. Не отпускаю, держу, наконец, выдыхаю растерянно и потрясенно:

– Пора. Пойдем, моя ласточка.. Пока загрузим все, пока спустимся. Доедем... Обед будет.

– Там сейчас же не припаркуешь, мать их! – беззлобно чертыхается Ворохов. – Водилы! Понатыкали возле подъезда «бумеров» и прохлаждаются часами... Не спеши, Ланочка. Я схожу, посмотрю.. Сейчас.. – Мишка исчезает в прихожей, бросая на нас обоих долгий, выразительный взгляд, полный, не то боли, не то удивления, не то – немного восторга и солидарности.

Взгляд Ворохова ускользает от нее. Она смотрит в сторону, проверяет замочек сапожка на левой ножке, каблук...

– Все хорошо? – Я вопросительно смотрю на нее. – Что такое, милая?

– Нет, ничего.. Паучок просто в ноге ползает.. Сжимает там свои лапки. Немного неприятно.

– Если что, я понесу тебя. Не бойся! – Я ободряюще подмигиваю ей.

– Кортёж Ее Величества у подъезда! – громогласно и весело объявляет Картуш, касаясь рукой в перчатке моего плеча. Он уже вернулся. Значит, лифт работает. Слава Богу!

– Нет уж, понесу я... Если Madame – не против, конечно!

– Не против я, но – зачем? – Лепечет фей. – Я сама дойду. – Она доверчиво обнимает Мишку за шею. И в тот же миг оказывается у него в руках. Такая красивая, легкая ноша. Серое пальто, красные перчатки, красные сапожки с опушкой.

Вмиг обретает простой, жизненный смысл вся Мишкина сила и держит природную статью вся его фигура: легкая, жилистая, широкая в плечах. Фигура бегуна и футболиста.

– Не дрейфь, моя королева! Вперед. Сапожки на даче обновишь. Я держу, не бойся. Я только курил немного, прости... Дымом пахну.

– Не дымом, а осенью! – тепло улыбается фей. – Я люблю осень. Но ты, все таки, поменьше кури, может, и Аня бросит тогда? Пример заразителен. – Фей ласково ерошит Мишкины волосы, в то время как он бросает на меня взгляд, полный растерянного недоумения. Я едва заметно пожимаю плечами. Мне и правда неведомо, слышал ли фей наш утренний разговор. Я растерян не меньше него.

Глава двенадцатая. Angelos in allernum...²

...Подъезжая к синим воротцам, мы видим бело – серую «шкоду», с заляпанным грязью бампером и распахнутым во все четыре дверцы салоном.

– Опять курила, зараза! – яростно шипит Мишка, стискивая руль, и кривя верхнюю губу. – Сейчас, вот я ее, за шиворот!

– Не надо, Миша! – вздыхает легко фей, и его ручка в красной перчатке едва касается плеча разъяренного Ворохова – Такая жизнь, что я иногда думаю, что и сама бы закурила..

Мишка пристально смотрит на фею, в зеркало переднего обзора, и вдруг – улыбается. Расслабившись:

– Тебе бы пошло, королева! Если с мундштуком – ваа – еще отпад... Грэг, как ты думаешь?

– Да. – Я задумчиво улыбаюсь. – Только сигареты в такт к ее духам не подобрать.. Она их часто меняет. Духи..... Через день – два.. Не успеваю привыкнуть.

– Это я вместо.. Вместо – мужа. – Фей смягчает абрис щеки тонкой, едва заметной улыбкой... – Перчатки, духи, шарфы, коллекции. То, что подобает менять настоящей женщине Подлинной. Не копии. Теперь я, видишь, Мишенька, даже дом сменила... Живу на даче... Как здорово! —

Проглотив язык, ошеломленно, смотрю на Мишку, он подмигивает мне в зеркало, и держит большой палец вверх, что означает у него всегда – полный восторг, но ответить что то на монолог фея мы оба не успеваем, потому что фей уже весь – в другом... И – о другом совершенно.

– Ой. А это кто там? – ахает она, поднеся обе ладошки к щекам.. – Лешик? Лешик мой приехал! Ура!!! – И едва машина успевает затормозить, как фей почти выпрыгивает из нее, не освобождаясь, не убегая от объятий краснощекого Лешки, тотчас бросившего корзинку с яблоками и охапку хвороста на половине садовой дорожки. – Па, привет! – ломающимся тенорком сипит Лешка, целуя фею в нос, и куда то – пониже шеи, пожимая руки мне и Мишке. – Там мама камин топит целый день, но тепло только, если двери в столовую закрыть.. Наверху дубак вообще! И еще, прикинь, па, мама мышь поймала на кухне! Класс! – Лешкины глаза горят азартным огоньком, но он брезгливо морщит нос:– Теперь она все комнаты с хлоркой моет.. Там такая аромагия, блин! Фей, тебе нельзя пока в дом.. Посиди в саду, а? – Лешка осторожно берет Ланочку за руку и ведет, по тропинке, к ольховой скамейке под кустиком низкорослой черной рябины. – Я тебе плед сейчас принесу, подушку.

– Да. Я побуду тут. Хорошо после дождя. Свежо. – Фей согласно кивает, ласково глядя Лешкины соломенно – черные вихры на затылке. – А ты яблоки собирал, да?

– Хм... Ма сказала, компот сделает и варенье. Как у бабушки в Ярославле. Я еще не дособирал.. Их много.. А давай вместе собирать? Грэг, можно? – Лешка вопросительно смотрит на меня и одновременно ободряюще подмигивает, мол, не дрейфь, дружище, я рядом...

Я киваю медленно, раздумчиво:

– Не спешите только.. Потихонечку. Если фей устанет, ты знаешь, что делать, да?

– Ну, нет, братцы! – Вступает вдруг в разговор Мишка, нагруженный, как и я, сумками и пакетами из багажника.– Мышь это – класс, конечно, зверье, живье, и все такое, но так дело не пойдет, надо котофея искать..

– Ух, ты.. Вместе с феем у нас еще и котофей будет??! Ух, ты здорово!!! – и младший Ворохов, пританцовывая, кружится по садовой дорожке, подняв к солнечным бликам утра сентябрь нос в веснушках, и красные, как яблочки, щеки.

---

² Здесь в значении – «ангелы бессмертны». (лат).

Фей рассыпает по краю дорожки серебряные колокольцы – дребезги своего тихого смеха, как обычно, и у меня немного светлеет на душе.

****

...Распахиваются входные двери и на крыльцо вылетает Аня Ворохова, в синих джинсах и шлепанцах на босу ногу, в куртке канареечного цвета..

– Приехали? Слава Богу! Миш, привет – она целует Мишку, на ходу, с летящей нежностью, куда то, мимо уха, от нее веет легким запахом хлорки, дезинфектора и яблок... Странный такой коктейль. Я морщусь слегка, и, обходя чету Вороховых на садовой дорожке, осторожно треплю Анину макушку, отчего ее волосы, стянутые тугой резинкой, рассыпаются...

– Грэг, привет! – Аня сжимает мое запястье.– Не хулигань! Пакеты поставь на кухне, я разберу... Наверх не поднимайся... И ты, солнышко, не поднимайся тоже, пока.. Нельзя туда. Сказали, через два часа.

– Кто? – Фей нетерпеливо развязывает ленты накидки – пальто – Кто сказал?

Санпедстанция* – важно произносит Лешка, выпуская воздух через одну ноздрю.. – Такая машина большая, зеленая, с крестом, и там два дядьки в противогазах с чемоданами... Как на войне, фей, прикинь, блин! Мышей травили... А на чердаке столько сундуков каких то... Они все двигали, и переставляли, и сказали, что сундуки с камнями, наверное... Но крыс там нет.

– Еще крыс только нам и не хватало! – хрипло смеюсь я, присаживаясь на крыльцо.

– Да. Для полного счастья. – Тихо шепчет фей, держась за мою руку и останавливаясь рядом. – Я их не люблю. – Она передергивает плечами. – Честно сказать, боюсь. И не понимаю, зачем они... А когда не понимаю, тогда мне страшно...

– Они же, как санитары, милая! – Я осторожно стягиваю ее перчатку с запястья вниз, целую, стараясь в одно мгновение, нитью губ, услышать пульс... Аритмия. Пульс то появляется, то – пропадает... Пахнет сиренью.. Ее любимые духи. Сквозь все.

Улыбаюсь, осторожно пригибаю ее мизинчик к тыльной стороне ладони, еле слышно шепча детское и теплое: «Сорока – ворона, кашу варила» – и подмигиваю ей: Она улыбается, успокаиваясь:

– Прости, я думаю бог весть что!.. Аня, а вы давно здесь?

– Солнышко, мы – с утра. – Аня выходит на крыльцо с пледом и подушкой, с вышитым по атласу маком. – С утра дождь и дымка была, представляешь, какая красота! Я думала, радуга будет... Говорят, когда радуга так поздно, в сентябре – к теплу.

– Грибов тьма, наверное! – Мечтательно вздыхаю я.

– О. Грэг, а пойдем на разведку, а?... – встревает в разговор младший Ворохов и осторожно тянет за руку фею, отбирая у Ани, все, что она вынесла – Ма, чего ты, дай, я сам постелю.

– Аккуратнее только! – Аня, легко, бугорком ладони, касается головы сына. – Он прижимается к ее коленям:

– И папа сказал, у нас котофей скоро будет.. В придачу к фею.

...От мышей – котофей.

С глазом, что когтя – острей.

В доме он живет, где фей

Пьет на завтрак звезд елей...

Тихо, едва выдыхая, бормочет фей, и улыбается:

– Это про меня немножко, ребята, да? – И нетерпеливо бежит по дорожке от крыльца, позвякивая молниями на сапожках, в глубину сада. Лешик, тотчас же -«зигзагом» срывается за ней:

– Подожди, эй, куда ты?... Там яблоки, тихонько!!! Упадешь! – Но фей не замедляет шага...

– ...Запиши, что ли? – Растерянно протягивает мне ошеломленный Мишка коробку от сигарет и сломанный наполовину карандаш...

– Я и так запомню. Не надо. – Мой голос срывается на хриплый шепот. Аня медленно сползает по столбику крыльца на ступеньку. Сидит и плачет беззвучно. Просто – не вытирает слез, которые капают со щек на ее пальцы, оставляют дорожки на шее.

В тишине слышно, как, с глухим стуком, падает в осеннюю, порыжевшую траву, яблоко, перепархивает с ветки на ветку озябшая от утреннего дождя синица. И отчетливо слышен вдалеке серебряный колоколец, переливчатый голос фея, который сосредоточенно и серьезно объясняет Лешке:

– Видишь ли, солнышко, когда этот рыцарь ехал по пустыне, со свечой от гроба Христа, то на него напали разбойники, хотели загасить пламя, избили его, смеялись над ним. Брать у него было нечего, он отдал им нательный крест... Они швырнули его в песок.

– Дураки! – Фыркает тотчас Лешик. – Нельзя ведь крест швырять куда попало. Он же – хранитель, да, фей?

– Да. Вот это еще положи в корзинку... И вот, тогда рыцарь решил с ними драться, прочувствовать их. А так как оружия у него почти не было, и кинжал затупился, то он дрался баньерой..

– А что такое – баньера? – любопытный голосок Лешки звенит на высокой ноте неподдельного интереса.

– Баньера – это... – Фей поднимает глаза от корзины с яблоками, видя, что я стою перед ней. – Это же короткое древко, флаг, штандарт цветов прекрасной Дамы, за которую рыцарь сражается на турнире, да, любимый?

– Да, голубка. Все правильно. – Я поднимаю отяжелевшую от влажных яблок корзину за обе ручки и несу к скамейке. – Хорошая антоновка у нас тут уродилась... Баньерой драться трудно, она же – короткая, а это значит, что? Ну, Леха, соображай! – Я, тем временем, тщательно расправляю на скамейке свернутые вчетверо газеты и плед.

– Что? – Лешик с любопытством тарачит на меня хитровато – смеющиеся смородинки глаз с зеленой прожилкой.

– Это значит, что рыцарь владел приемами кулачного боя. И неплохо. Наверное, так...

– Ух, же ты! – свистит восторженно Лешка через два передних зуба.. Боксером был. Как Кличко?

– Как Тайсон, – улыбаюсь я. – Ласточка, иди сюда, отдохни немножко. Я тебя укутаю...

– Не надо кутать, зачем? Тяжело. – Фей нетерпеливо машет рукой, но усаживается на скамейку, погружая ручку в перчатку в корзину с яблоками, вороша их, обрывая зеленые листки.. Потом ее пальчики легко касаются замка моей куртки, она застегивает его, отряхивает воротник, поправляет шарф.

– ...И вот тогда разбойники в первый раз, по настоящему, испугались. – Она легко поднимается на цыпочки, целует меня в щеку, нос, глаза... – Рыцарь не был сильнее их, но – не отступился. Отступились они. Их было много, но перерезать рыцарю горло никто не осмелился, так сильна была в нем отвага и прямота...

– Безрассудная храбрость и врагу может внушить уважение. Когда рыцарь вернулся из похода в родной город, в Толедо, мало кто из жителей верил, что он мог одолеть один десяток разбойников, и все трудности перехода по пустыне.

– Но кто-то же верил ему? – Лешка осторожно, с неуклюжей старательностью, помогает мне усадить фею на скамейку и укутывает ее плечи пледом. – Ты иди, мы еще посидим тут.

– Неважно, Леха, кто верил или – нет – отвечаю я вдруг решительно и резко. – Главное – самому верить, не отступать от того, что наметил. Вот он наметил привезти свечу из Иерусалима, и привез. Категорически.

– В него верило само Небо, Лешенька! – тихо вздыхает фей, осторожно держась за мое запястье. – Рыцарь говорил, что чувствует это, когда входит в храм или сосредоточится, молясь,

думая. О хорошем. .... Может быть, гораздо важнее, когда в тебя верит сама Вселенная, и тебе дает шанс что то попробовать, нарисовать, написать, узнать, изменить...

– И в тебя тоже Небо верит.. Я знаю... – Лешик доверчиво обнимает колени фея. – Сиди – сиди, так хорошо... – Ты не умрешь, никогда, потому что и даже и не за то, что мы тебя любим, а ты нас всех – любишь сильнее, чем мы – тебя. Правда! Я когда о тебе думаю, или читаю твои сказки, то у меня голова не болит, Ничего не болит. И я как будто лечу куда то, и голос твой слышу.. А мне бабушка папина говорила, что если ты рядом с человеком – летишь, то это значит, человек – ангел... А ангел никогда не умирает.– Лешкина голова прочно лежит на коленях фея. Она задумчиво дует на его вихры. Молчит. Подносит руку к горлу.

– Лешечка, я вовсе не ангел.. Просто я – фей.. Твой крестный фей. – Она силится улыбнуться, но губы кривятся беспомощно. – Сказки простые пишу и книги. Ты за меня молиться станешь, когда меня не будет? Да?

– Нет. – Качает головой Лешка. – Не буду. Сказал же, не умрешь ты. Ангелы не умирают. Правда, Грэг. Скажи же ей! Ты ведь знаешь. Скажи ей, ну хоть по латыни...

– Почему – по латыни? – мои брови медленно ползут вверх, но прежде, чем я успеваю удивиться самому себе, с моих губ слетает: «angelos in aelernum». И тотчас, как отзвук тихого и неслышного голоса Вселенной в траву, со стуком падает яблоко... Одно, второе... Солнечный луч пронзает тишину сада.. Щебечут синицы.. Кажется, что и они поют: «Angelos in»... Во всю силу своих маленьких, будто посеребренных, горлышек....

Глава тринадцатая. Drang nash osten, или Тайна старых сундуков...

...Мишка, чертыхаясь, тащит корзины и старое тряпье, сломанные лыжи, удочки, продавленные венские стулья, косяки старых дверей, плинтусы и рамы, в сарайчик – навес для дров.. Я помогаю ему укладывать, распиливать, раскалывать все это старое дерево маленькой электрической пилой.

Чердачная лестница скрипит под нашими шагами, ворчит под беготней Лешки, туда – сюда, вверх – вниз, с кипами старых «Известий», «Труда», «Правды», плакатов ГО, и прочей ветоши.

Усердно шипит и фыркает квадрат газовой колонки, старательно, до блеска оттертый Мишкой и мною от серого налета пыли. Что – то мигает в ней, видно в окошко, как медленно и упорно ползет вверх температурная шкала. В доме становится все теплее, но фей, по прежнему, сидит в гостиной, около камина, укутанный в пальто и плед..

Видя в проеме дверей наши мелькающие тени, фей, улыбаясь, машет нам и нетерпеливо захлопывает книгу, которую читает с карандашом в руке:

– Сколько же там добра! Горушка, можно мне подняться? Я хоть помогу Вам немножко. Я замедляю шаги, заглядываю в столовую, опираясь о косяк:

– Ласточка моя, и тебе еще работы хватит. Подожди немножко, дом прогреется, ты переоденешься, и придешь...

– А что там было, в колонке? – Фей нетерпеливо закусывает кончик карандаша зубами. Книга скользит с ее коленей – на пол. Подхожу, поднимаю:

– «Воспоминания розы» – Мадам Консуэло де Сент – Экзюпери. Это – по русски?

– Да. Мне Аня привезла.. Нашла, где то, в книжном... Потрясающе.. Но это не мемуары, по моему.. Издательский трюк.. Может быть, письма обработанные. Я потом скажу тебе, почему... Не мемуары... Она касается ладонью моей щеки, гладит ее:

– Ты не устал? Много ходишь. Таблетки прими? Может, Вам чаю согреть?

– Чаю? – я улыбаюсь. – Можно чаю... Яблок нарежь?

– Да, хорошо.

Она с готовностью соскальзывает с дивана, бежит на кухню. И ей нашлось дело.

– Я пальто сниму? Мне неудобно в пальто.– Серый кашемир с велюром скользит куда то мне в руки, точнее, мимо рук. Звенит струя воды в кране, мелькают ее руки в ободке тонких браслетов. Звякает посуда, она тотчас находит внизу, в шкафу, какие то веселые чашки, с ягодами и цветами, ложки, блюдца, вазочки для варенья... Жужжит микроволновка, пахнет разогретыми блинами.

– Я могу плиту включить? Мне нужна заварка. Что же там было, в колонке то?

Я аккуратно вешаю в стенной шкаф пальто фея, отряхивая его и одновременно, наблюдая за ее хрупким силуэтом в сером джерси с черной замшей воротника, корсетным поясом и россыпью узких черных пуговиц на манжетах.

– Милая, ничего.. Засорилась немного. Миша фитиль почистил и все. Еще чуть чуть там мы поршень смазали... Но, все равно, надо, чтобы она поработала немного. Не поднимайся пока туда. Если что, сразу иди на улицу, зови меня, Мишу, Лешку... Мы не знаем, как там.. Ее не включали пару лет... Даже в вытяжном колпаке и на штифтах была пыль.

– Он не жил здесь, ты говорил мне, да?

– После.. жены он – не мог.... Потому – продал дачу. Обычно они жили здесь с мая по ноябрь. Зимой приезжали на выходные. Там столько старых журналов, выкроек каких то.. Может быть, Ане надо? – Я развожу руками

– Не знаю. – Фей пожимает плечами. – Вряд ли. – Сейчас – все иначе. А книг там нет?

– Нет. Там уйма сундуков. Оббитые железом, не поднимешь, только двигать.. Может, в них книги?

– Ага, и еще, фей, представь, там, на всех сундуках, черепа нарисованы и красным перечеркнуты. – Шмыгает носом Лешик, заглядывая на кухню и подмигивая нам обоим сразу двумя глазами. И как у него это выходит, не понимаю?! Но сразу – фыркаю от смеха. Фей тоже улыбается.

– Ну, и чего Вы смеетесь – то, фашистские это, что ли, сундуки? – нетерпеливо морщится Лешик. – Там вот, по – немецки написано, на одном я разобрал: «Drang nach osten...» Грэг, а чего это значит?

– «Переброска, отправка на восток», – отвечаю я. Так отмечали грузы трофейные, отправленные из районов оккупации, захваченных территорий.

– Грабленные, что ли? – удивленно таращит глаза Лешик. Он не по годам смышлен.

– Награбленные. – Тихо поправляет фей, и ахает – удивленно, тотчас – А откуда здесь это, Боже святой?! С войны почти семьдесят лет прошло..

– А вдруг там – мины? – восторженно шепчет Лешик, и втягивает ноздрями аромат разогретых блинов. – Дай блинчик, фей? Один? Чего то жрать охота!

– Есть. Кушать, Лешенька. Чаю налить тебе? – Фей вздыхает, и опять его руки начинают мелькать над столом, блюдами, чашками. Лешка наворачивает блин за блином, громко прихлебывая из яркой» ягодной чашки» немисливо засахаренный чай – на четыре ложки – а я, уже спустившись на крыльцо, вдруг, рывком, возвращаюсь опять на кухню:

– Ланочка, Христа ради, не поднимайся без нас на чердак! Посидите с Лешей тут.

Она смотрит мне в глаза и медленно оседает на табурет, вцепившись в столешницу.

– Да. Не волнуйся. Да. Мы посидим тут. Или выйдем на улицу. И Мише скажи.. Надо вызвать этих... как они называются... минеры.

– Саперы, голубка! – я стараюсь улыбнуться им обоим. И подмигнуть – сразу двумя глазами. Кажется, у меня это получается. Впервые в жизни.

Лешка ошеломленно таращится на нас с феем, и сползает вниз, почти что под стол:

– Грэг, обалдеть, у нас что, война?!

– У нас всегда война, шевалье! – задорно отвечаю я Лешке. – Разве Вы не знали? Смотри за феем, я сейчас! – Я пулей лечу на крыльцо, перепрыгивая через ступеньку. Так я не бегал даже в детстве...

– Черт, и как я сам не допер? – Мишка сидит на садовой скамье, обхватив голову руками. – Их что, и шевелить нельзя?! Что за чушь! Может быть, там только старое тряпье. Письма к какой нибудь ффрау...

– Или отравляющие вещества. Их насыпали сверху, чтобы не было соблазна у конвоя, охраны, открыть сундуки. Яд действует лет семьдесят как раз.. – Растерянно хмурюсь я... Ладно, черт с ним, рискнем, где наша не пропадала.. Иди в поселок, ищи кого то, чтобы помогли вынести сундуки в сад. Там открывать нельзя, газ рядом.. Ане не говори. Где она?

– Она в сарае.. С хламьем возится. Успокоилась, что фей в доме, и что тепло. Мишка ошеломленно крутит головой из стороны в сторону:

– Ну, попали в переплет, е – мое! Подожди, не надо звать никого! Мало ли что... На палках их надо выносить.. Подожди, я сейчас.. Я видел в сарае слуги...

...Мишка мчится в сарай, и через полчаса, на распиленных слегах, мы осторожно выносим первый сундук с чердака. Босые, взмокшие.. Странно, что сундук даже не покачнулся. Впрочем, он слишком тяжел, а ступеньки у чердака слишком пологи. Хоть в этом – плюс...

Едва мы ставим сундук на садовой дорожке, как фей бросается ко мне, с полотенцем и стаканом воды в руке.

– Выпей, я вытру... Миша, сейчас я и тебе вытру. И дай, я перевяжу вот здесь, у запястья, а то жилы растянешь.. Она быстро перевязывает мне руку эластичным бинтом, Аня, смотря на нее, делает то же самое Мишке. – Предплечье еще, Ань. А то – растянет... – Тихо, сосредоточенно подсказывает фей. – Может быть, носки? Ты простудишься! – Она умоляюще смотрит на меня, потом кусает губы и качает головой.

– Нет. Надо слышать пол. Это босиком лучше, да? Там их много?

– Шесть. Два поменьше чуть чуть. – Я снимаю рубашку. У Лешика глаза становятся круглыми от изумления. Он впервые видит мой обнаженный торс и все мои шрамы.

– Грэг, ну ты и жила! Ни фиги себе! – Лешка восторженно свистит через зубы. – Ты в танке горел, что ли?

– Ага, брат! В прошлой жизни. – Я киваю, и быстро наклоняюсь: – Любимая, оботри немножко, жарко... – Ее руки касаются моей спины, лопаток. Она растирает меня мокрым полотенцем, осторожно, но сильно... Как может только нежнейший фей.

– Лешка, тащи, там еще в сарае слеги есть, поменьше.. И не подходи к сундукам. – Резко бросает Мишка сыну и, выхватив у Ани из рук таз с водой, выливает его себе на голову.

Аня ахает потрясенно:

– Тьфу, шальной! Обалдел, простынешь! – И бежит, сломя голову, в дом, за свежими полотенцами и рубашками.

...Рубашки – старые и прохладны, но освежают ненадолго, тотчас взмокая от пота на плечах и лопатках.

– Жаль, что бани у нас нет.. Надо весной слепить! – бурчит Мишка, когда мы ставим на рабатку, под яблоней, очередной чердачный трофей. – Что это за дача, без бани, к черту!

Я сажусь возле сундука, на опавшую листву. Почти без сил. Но колено странно не ноет. Я чувствую себя легко. Как птица, взлетевшая на небеса...

– Ну, вот так уж, без бани.. Шале, брат. Профессору – зачем баня? – я опускаю пальцы в карман рубашки. Там обычно лежат – сигареты. Но кармана нет. Рубашка – другая, я напрочь забыл про это. Фей протягивает мне начатую пачку, садясь рядом, и прислоняясь спиной к стволу яблони. Кладет руку на мое колено. Рука горяча невероятно. Ее жар я чувствую и сквозь штанину – Милый, он – не профессор. Он – антиквар. Говорят, что его дед скупал вещи у эвакуированных и ссыльных..

– Дед? Какой дед? – Мишка, прищурив левый глаз, кладет руку на запястье фея. – Отец, может быть?

– Нет. Фей качает головой. Еще – дед. Когда сюда приехала княгиня Наталия Оболенская, на свидание с сосланным сыном Андреем – ему дали двадцать пять лет лагерей – то он купил у княгини за десять рублей медальон с портретом наследника Цесаревича Алексея. Это был медальон ее сестры, княжны Екатерины, наградной. Княжна была фрейлиной Двора...

– А этот хмырь, ваш хозяин дачи, кем он был? Жуликом? Давил тут на жалость: «Жена, не могу!»... То – то, на барыши от скупки дом за Волгой купил себе! – Беззлобно ворчит Мишка, и поднимается с земли, протягивая руку фею.

– А ты откуда знаешь, королева, про эту фрейлину Двора? Читала, что ли где?

– Читала. – Фей ясно улыбается. – Я в чашку как то воду налила, меня рвало, смотрю, а там лицо такое красивое, ясное, тонкое.. И рядом – еще одно.. Цесаревича... Я по фото знаю.. У меня же альбом есть. И потом, в поселке говорили про этого хозяина. Молочница мне лягнула, что он больно дешево дачу нам продал... Может, удирал от кого?

– А что, может быть, вполне! – вступает в разговор Аня. – Они, эти скупщики, вечно с криминалом в одной упряжке, а чуть что, их придавят. Мы смотрим друг на друга, все четверо, и фыркаем дружно.

– Ну, робяты, влипли круто мы, по моему.– Смеюсь я, и вытираю лицо рукавом. – Целый детектив: антиквар, трофеи, дача под бомбами...

– А трофеи то эти – откуда? – Аня непонимающе пожимает плечами и кивает на сундуки.

– Говорят тут, что отец хозяина был помощником коменданта какого то прибалтийского городка.. – тихо выдыхает фея. – Как то так...

– Ну... Маршал, блин.. Рокотовский... – бурчит Мишка опустошенно и как то – зло: – Нам вот чего – то с Анькой бабка моя ярославская, не оставила наследства по кабакам плясать, ё – мое. – Своим горбом все поднимаем: ребенка, выставки, поездки, картины... И взятки брать не обучены... Давайте, ragazzi, а то темно уже скоро будет, черт с ними, с этими антикварами, пусть они хоть все в Волге утонут, на фиг! Ну и день сегодня. Точно: «Drang nash osten!» – Мишка исчезает в дверном проеме, пружинисто поднимаясь по лестнице, как дикая пантера. Я иду за ним, не чувствуя колена. Иду легко. Лишь немного ноет плечо. Интересно, что же мы найдем в этих старых сундука? Чью жизнь, чье прошлое? Только бы – не свое...

Глава четырнадцатая. Сокровища эстляндского барона...

Последние свертки из сундуков мы с Лешиком заносим уже при свете костра, который отбрасывает тени на крыльцо... Потрескивая в темноте, то и дело взвиваются вверх снопы искр, как сотни бабочек, устремляясь прямо в небо, облака, пустоту, куда еще?...

Стол в гостиной, диван, кресла, абсолютно все вокруг завалено свертками, ворохами папиросной бумаги, коробками. Еще два сундука с охотничьими биноклями, стеклами, свернутыми в рулоны старинными картами, книгами и альбомами, мы оставили в сарае, решив разобрать позднее. На все просто не хватает рук.

..... – Матерь Божия, святы́й крест! – Ахая, выходит из кухни Аня в намокшем переднике, высоко держа руки в резиновых, желтых перчатках, с которых стекает ароматная пена. – Сколько фарфора! А этот бокара, его как мыть, уксусом? – она растерянно смотрит на меня. – А серебро? Это чье то приданое было? Какой – то девушки? Ее убили, да?

– Не знаю. – Я ободряюще улыбаюсь. – Не обязательно. – А почему ты решила, что именно – девушки?

– Там так много столового белья. Скатерти, салфетки, полотенца.... И монограмма: "L.J".. Леонора какая -нибудь... Или – Лина... Ланочка сейчас разбирает, что – стирать, что – в химчистку... Обалдеть! Такое все тонкое есть, как паутинка, а есть – толстое, льняное, простыни, например. Как у бабушки Капы, в Ярославле... А наволочки – пух.. батист, шелк... – Аня улыбается мечтательно, мягко, подняв кверху курносый нос. – Приданое для королевы, вообще! Только пожелтело все.. А кружево венское, ручной работы. – Аня вздыхает. – Я видела барселонское, когда мы с Мишей в Испании были, оно – грубее, там какой то нитью провязывают, а тут, как подули, воздух... – Она подносит мокрые руки в резине к щекам.. – Кошмар, мы же живем в подделке, Грэг, у нас все поддельное: еда, мебель, вещи...

– Чувства – Мишка выходит из столовой- сдергивая марлевую маску вниз, к подбородку. – Чувства у многих тоже поддельные, Ангел, забыла добавить. – яиди, посмотри, какой там ангел – статуэтка.. Чудо просто, с лирой сидит, я вытащил, обмер, будто бы – наша Ланочка.. Они все в фосфоре, будут ночью светиться, не пугайтесь..

– Господи, Миша, надышался, бедный ты мой! – Аня испуганно улыбается краешком губ, и идет робко за Мишкой и за мною, в столовую, где бережно расставлены на столе статуэтки северского, майсенского и пражского фарфора разной величины: маркизы и пастушки, борзые на лужайке, херувимы со свитками и трубами, галантные группы, в духе Ватто и Фрагонара, с амурами и корзинами, бантами и блюдами полными яблок и винограда, качающиеся на качелях, и томно сидящие у клавирина, с крохотной, как пылинки, кофейной чашкой или веером в руке...

Все это изнеженное, маленькое, торжествующее, сияющее, с тонкой пылью позолоты, великолепие, словно образует подножие двум большим фигурам ангелов, один из которых держит в руке лиру, а другой – скрипку, гриф которой увит розой сорта «ботичелли»..

Ботичелли? Почему именно это имя, название, мне вдруг пришло на ум?

...Я тотчас, вспышкой, вспоминаю Венецию, лодку, небрежно тихо – скользившую под одному из каналов, уткнувшую зеленый, червлёный нос в ступени дворца Сфорцци, и замшевый сапожок феи на этих широких ступенях, слегка неловкий, неуверенный..

Мы рассматривали что – то: старинные гравюры на столах, мраморных и яшмовых, с позеленевшими от времени львиными лапами ножек, рассыпанные веерами коллекции старинных фото, колоды карт, картины в бронзовых рамах на стенах, витые канделябры из серебра, чуть почерневшие в середине, в виде виноградных гроздей – лоз или змей с поднятыми вверх, изящными головками.

Фей скользил по мраморным темным от времени, плитам дворца, вцепившись в мой локоть, почти – не дыша- мягкой замшей своих сапожек, Газовый шарф опадал легкой бабочкой на мех ее капюшона, шелковые кисти трепетали от неслышных сквозняков, гуляющих свободно в переходах и коридорах огромного палаццо... Наконец, где то на середине одного из огромных залов, с картинами Караваджо или Тьеполо, она пожаловалась мне, что устала, и я, с разрешения любезного гида, живого, говорливого итальянца, усадил ее на пуф, оббитый алым бархатом, как раз под картиной неизвестного придирчивому миру искусства ученика Караваджо. Ангел, в образе лукавого юноши, с пронзительно – синими глазами смотрел на бабочку, сидевшую на его руке, чьи голубые с зелеными прожилками крылья испуганно, трепетно замерли в предвкушении стремительного полета...

***

...Странное чувство гармонии охватило меня тогда, поднявшись откуда то изнутри, из самой сердцевины души.

Гармонии, которую я словно нить Ариадны, обрывал, находил, искал, терял снова в своих метаниях, странствиях по свету, сомнениях, борениях.. Она, мой фей, смотрела на меня своими огромными синими глазами, в цвет шарфа, слегка покусывая губы – но такой понятной, полудетской привычке: скрыть боль или растерянность, усталость... Ее маленькая ручка, с длинными, хрупкими пальцами, слегка оттянула вниз теплую невесомость шарфа, приоткрыв горло... Так я тогда и сфотографировал ее, с разрешения юноши – чичероне, над старинным полотном. Странно похожую на готовившуюся взлететь бабочку. С трепетом изумрудных прожилок на крыльях... Бабочку, сидящую на руке ангела... И сейчас где то есть эта фотография. На стене, в гостиной. В городской квартире...

***

– Грэг, ты посмотри, что тут еще было! – Восхищенный Мишка бросается к столу, отшвыривая ногой ветошь, упавшую на пол. – Посмотри. – Он рывком разворачивает тонкий рулон холста. Обнаженный юноша с торсом Аполлона и слегка согнутыми, сведенными вместе плечами, смотрит в воды чистого, прозрачного ручья.. Там его отражение. Черты безупречны. Как и берега водоема, с тщательно прописанными травинками и звездочками незабудок и стрел камыша на них...

– Нарцисс? – ошеломленно произношу я.

– Да. Он самый. Но кто писал – то? Я не могу разобрать подписи Это, что, подлинник? – Мишка осторожно вертит в разные стороны холст... Дюрер? Гольбейн? Кто – то из голландцев?

– Мишенька, это же не может быть – Ян Вермеер? – раздается в столовой тихий голос фея. – Ну, что то поскромнее... Не эрмитажное же это?

– Ланочка, у тебя, что, глаза на затылке, что ли?! – Мишка хватая со стола лупу, огромную, в пять линз, ее мы тоже нашли в одном из сундуков, и пристально осматривает правый угол холста, затем левый. – Держи, Грэг! Тут не разберешь, но буквы IW* есть... Обалдеть... Может, это копия?... Потому что, если... Мишка застывает на полу – фразе, ошеломленно смотрит на меня, на фея.

– Братцы, так, срочно в раму, и срочно домой везем...

– Ты с ума сошел?! – Аня сердито сдергивает с правой руки перчатку, поправляет резинку на волосах. – Не пушу. Почти двенадцать ночи!.. Кто по ночам ездит на машине?!

– Я! – Мишка устало садится в кресло у стола, берет Анькину мокрую руку, подносит ее к губам, потом проводит тыльной ее стороной по своему лицу

– Adorate mia,** пойми ты.. Нельзя – здесь.. Здесь и собаки нет. Нас убьют ни за грош, и – не вздохнут, если это – подлинник.. Прирежут... Ты понимаешь, что эту картину, второй ее экземпляр, ищут уже сто лет??

– Как – сто? Па, ты чего, не финта себе! – Лешка осторожно слезает со стула и закрывает дверцу шкафа – горки, в которую он аккуратно составлял блюда, чашки – кофейные и чайные, – кофейники, масленки и подносы, фигурки, группы и бутоньерки из фарфора, тщательно вымытые и протертые Аней и феём.

– Ничего я. – Мишка вздыхает обреченно. – Поймите же Вы, братцы мои, что Ян Вермеер Дельфтский почти не писал картин на мифологические сюжеты.. Есть, так, штучно, две – три его ранние работы: «Диана с нимфами», " «Святая Праксия».. Но «Нарцисса» считали незаконченным этюдом или вовсе – работой копииста, который «косил», как сейчас говорят, под Яна Дельфтского. Некоторые искусствоведы вообще «Нарцисса» относили к работам школы Караваджо, у которого была тьма учеников.. И даже если мы имеем дело с копией, то и она стоит немалых денег, может быть, гораздо больших, чем сам оригинал.. А у нас ни собаки, ни сигнализации, ни фи́га -вообще! Квартира в городе хоть – охраняется, и дом – с консьержем...

– Зато здесь есть вот что, например. – Тихо шепчет фей, внезапно опуская руку в карман платья, и осторожно протягивая к Мишке свою ладошку, на которой лежит крошечный дамский револьвер системы «Браунинг», стального цвета, с витой инкрустацией – монограммой, по краю внушительной плоской рукоятки. – Это я нашла под стопкой столового белья. По – моему, он полностью заряжен. Шевелить боюсь. Там шесть патронов. В браунинге ведь их – шесть? – Фей ясно смотрит на меня, чуть склонив головку к правому плечу и, больно, до крови, прикусив губу.

– Да, голубка, шесть. – Внезапно севшим и хриплым голосом отвечаю я, опускаясь на стул. – А что еще там, под бельем? Обойма с патронами? – Я пытаюсь улыбнуться.

– Нет. Не обойма. Коробка. Еще восемь штук. Новые. Блестят. Похоже, браунинг – чей – то подарок. Подарок тщательно скрывали.

– Офигеть, королева! – Мишка осторожно вертит браунинг в руках, потом кладет опасную» игрушку» на влажное полотенце на столе. – Тут, на монограмме, те же инициалы, что на полотенце и салфетках – скатертях: «L.J» Прямо, как Лана Яворская. Твой, именной, как будто бы! Ты стрелять – то сама еще не пробовала? – Мишка привычно пытается шутить, чтобы скрыть растерянность..

Выходит совсем неуклюже. Натянута. Мы подавлено смотрим на блистающие в свете люстры вороненные грани ствола легендарной» дамской безделицы», не в силах сказать что – либо....

Ответ фея, как всегда, потрясает нас до самых глубин души:

– Нет. Я пока – не умею. Но, если нужно, научиться – недолго. – Тут Ланочка совершенно спокойно пожимает плечами и поворачивается ко мне:

– Милый, ты же мне покажешь, как им пользоваться? Говорят, именно из такого Ева Браун прострелила себе шею при первой попытке самоубийства... Стреляй она точнее, история повернулась бы совершенно иначе. И не было бы всей этой трагикомедии под названием: «Фрау Гитлер на тридцать девять часов». Не было бы вообще никакой фрау Гитлер, прилежной девочки из пансиона «для английских фройляйн»..

– Почему английских, Ланочка? – Аня ошеломленно присаживается перед феём на корточки, беря в свои руки обе ее ладошки. – Ты и, правда, могла бы выстрелить?

– Не знаю. Человек никогда не знает себя до конца.– Фей вздыхает и, наклонившись, осторожно целует Аню в макушку. – Так почему то назывался этот пансион в Австрии. Там учили по английской методике: танцы, языки, рукоделие, манеры, кулинария. Одним словом,

скуотища! Ева ничем особо и не блистала, правда, вела дневник, писала подруге, собирала фотографии кинозвезд.. Это – все. Много было таких девушек, как она. С ангельскими лицами и русалочьей душой.– Вздохнув, фей чуть приподнимает плечи, как будто – зябнет.

– Фейкин, тебе, что, страшно? – подбежавший к ней Лешка, доверчиво обнимает ее колени. – Не бойся, мы же все вместе!

– Я совсем и не боюсь, солнышко, что ты! Ты поедешь с мамой и отцом в город или – останешься с нами? Будешь ночевать один в комнате для гостей. – Фей целует Лешкины глаза, щеки. – Совсем большой стал. – Она улыбается нежно. – Скоро мне, чтобы дотянуться до тебя, надо будет встать.... И то – не достану...

– А я просто присяду на корточки. И ты меня всегда обнимешь. Всегда – всегда.. – Лешка подмигивает фею, как то особенно: смешно, с лукавинкой озорства, и нам всем, в одну секунду, становится вдруг ясно до чего же он похож на Мишку. На старшего Ворохова. Впрочем, иначе – и быть не может. Сын должен походить на отца. Внук – на деда. Это – непреложная истина. Аксиома жизни.....

Глава пятнадцатая. Гость со шрамом...

....Входя на крыльцо, пока я запираю ворота и калитку, фей еще раз оглядывается на уга-сающие, шипящие от воды, угли костра, и, опершись рукой о косяк, снимает туфли, разжимая крохотные пальчики, расправляя их.

– Подожди, я помогу. Что же ты? – Иду по тропинке, поднимаюсь на крылечко, торопливо беру ее под локоть. – Осторожно, не упади!

– Устали ноги.. Сил нет. – Она обхватывает нежно, чуть неловко, рукой, мое лицо, при-ближает губы – Поцелуй меня.... Она тянется, на цыпочках, как жаждущий капли воды птенец.

– Нет, не так... Сильнее... – Она смеется нежным, переливчатым колокольчиком – Чтобы голова закружилась! Вот так. Да. Да, мой любимый...

– О.. madame.. У меня и так от Вас всегда голова кружится, даже когда Вы просто – рядом.. – А если я целую Вас, или читаю Ваши строчки, у меня совсем сносит крышу.. Кон-кретно, – как говорит наш общий друг, мсье Ворохов – я улыбаюсь – в левую сторону..

– Почему – в левую? – изумленно фыркает она и гладит пальцами мою щеку.

– Ближе к сердцу! – я развожу руками и прижимаю ее к себе, осторожно целую голову, затылок, глаза, щеки.. И тут вдруг, на волосы фея сверху, с лестницы, озорно и легко падает яркий, шелестящий фантик. От ириски. Вслед фантику раздается фыркание и сдавленный смех Лешки:

– Тили – тесто, жених с невестой! – бурчит он и хохочет, уже не таясь – Прячутся под лестницу, бе- ее! Как маленькие. Я все видел! – Лешка торжествуяще высовывает язык.

– Мы – не прячемся, – Пытаясь сохранить серьезность отвечаю я.

– Лешик, не пугай, пожалуйста, фея.. Ты ведь знаешь, что от неожиданности она может вздрогнуть, споткнуться, упасть..Видишь, хорошо, что я ее держу...

– Прости. Я не хотел. Не подумал. – Лешка шмыгает носом и бежит вниз.

– Босиком – почему? – ахает в притворной строгости фей, ловя раскрытыми в ширь руками маленького мальчишку в пижаме, с веселыми краено – зелеными паровозиками и мячиками. Лешик утыкается ей в колени...

– Жарища, не хочу тапочки! – мурлыкает он, и берет в свою ладошку руку фея. – Пошли со мной, а то чего то не засыпается.. Расскажи историю, а?

– Ну – ка, иди сюда, Гаврош, сын Картуша! – я хватаю Лешку под мышку, наперевес, другой рукой – обнимаю фея. Лешик визжит восторженно, болтает ногами, и мы идем вверх по лестнице под переливы нежного смеха фея. Я пинком распахиваю двери гостиной спальни.

Фей сжимает мой локоть:

– Горушка, не урони, ради Бога, ребенка! – шепчет она мне в ухо...

– Ты что! Я крепко держу... Как я могу уронить! Сейчас вот – как брошу! За руки за ноги и в ...реку – Я, держа Лешика довольно крепко за руку и ногу, как маленькую обезьянку, осторожно бросаю его на кровать. Он визжит и хохочет довольно, утыкаясь лицом в подушку, отбрыкиваясь от одеяла, которым фей пытается его укрыть.

– Жарко, не надо! Ма, не надо! – в запальчивости бормочет он, обхватывая фея рукой за шею.... Иногда у него прорывается это детское и теплое «ма» которым он называет фея, почти – неосознанно, не отделяя ее образ от Ани, соединяя с ней. Веки фея чуть дрожат и она с улыбкой шепчет:

– Погоди, Лешенька, я только ножки укрою, вот так, пониже, чтобы ты не простыл.

В саду падает яблоко. И громко хрустит ветка под чьей то рукой. Или -шагами? Фей цепенеет с одеялом в руках. Смотрит на меня. Окно гостиной спальни находится над чердаком и выходит, как раз, на левую, тыльную сторону нашего небольшого сада. Я прижимаю палец

к губам, и осторожно сняв обувь, крадусь к окну. Лешка замирает нервно, цепко обхватив пальчиками запястье фея, и оторвав голову от подушки:

– Грэг, кто там? – громко шепчет он, наблюдая за моим силуэтом.

– Никого вроде бы. Может быть, это птица? – отвечаю я. Сейчас тепло, они спят на ветках. – Я стараюсь успокоить сразу обоих: и фея, и Лешика.

– Солнышко мое, вот и ты спи. – Фей присаживается на край кровати. Гладит Лешкины вихры, острые коленки, обтянутые пижамой – Поздно уже. Ты знаешь, был у султана Селима, падишаха османского, такой визирь – мудрец, который не спал по ночам, слушал соловьев в садах, шелест розовых лепестков, лепет фонтанных струй.. И вот, однажды, грезы так охватили визиря, что он, сидя у открытого окна, не заметил, как вор, прокрадываясь в сад, выхватил из его пальцев важный свиток, указ Селима о помиловании невиновного человека... Сокрушаясь о потере, визирь с тех пор дал себе зарок – спать по ночам.

Лешкино сопение в ответ – лишнее доказательство того, что он то – не нуждается ни в каких зароксах. Уснул, не дослушав конца истории. Я подмигиваю фею и, взявшись за руки, мы выходим из комнаты, не затворив двери. На пороге фей приглушенно, мягко, ахает и ощупывает рукой ножку в скользком капроне.

– Милая, что такое? Что ты?! – Я крепко прижимаю ее к себе, рывком, интуитивно, по привычке: не дай бог, упадет!

– Тут – гвоздь... Зацепила колготки! – с досадой шепчет она, уткнувшись в меня носом. – Они мне надоели.. Рвутся и рвутся...

– Ходи без них! – молниеносно предлагаю я, касаясь губами ее волос на нежной макушке, края уха, изгиба шеи.. – Вообще ходи – безо всего.. Я обожаю тебя, когда ты.. безо всего... ммм... моя королева.. Девочка моя.. – Мои руки скользят по ее спине, повторяя изгиб позвоночника, контур ягодич, собирая в ямки ладоней ее тепло, нежное, переливчатое, такое же, как смех:

– Любимый, ты ко мне – пристрастен – Она смотрит на меня сквозь ресницы, не мигая, и осторожно тянет за руку, в соседнюю комнату – нашу спальню. Входим и тоже – не затворяем дверь. Лунные квадраты блестят на полу, скользят по стенам.

– Королева в драных колготках, ежик свет! – смешно морщится фея и садится на софу, закидывая руки за голову, гибкая, маленькая. Зевает и бормочет нежно, почти что уже – сонно:

– Ты иди в душ, потом я пойду.. Уже полвторого. Кошмар! Когда у тебя завтра лекции?

– В два. Еще успеем поспать! – я обнимаю ее, не дыша, и бережно расстегивая корсетный пояс серого платья, молнию на спине, освобождая от ткани хрупкую линию шеи, изгиб плеча. Считаю губами россыпь родинок, теплую, с запахом молочных пенек или остывающего кофе.. – Ласточка моя, устала... Сейчас.. Какие тугие пуговицы.. Или я – плохой камерист – я медленно улыбаюсь, в попытке чуть – чуть, нежно, лукаво – раздражить ее.

...В этот самый момент над нашей головой, на скате чердачных половиц, раздается шорох и треск, чьи – то осторожные шаги. Я смотрю в ее расширившиеся от ужаса зрачки. Вся она молниеносно напрягается в моих руках, как струна, чуть откинув голову назад, опирается рукой о подушки:

– Кто это?! – Вслух она не произносит слова. Я читаю по губам. – Горушка, это.. Ты запер дверь внизу? А чердак?

– Тсс – сс! Думай, что это – мыши. – Также беззвучно отвечаю я. – Конечно, я все запер, любимая! Не волнуйся. Сиди здесь, я схожу, проверю!

Я прижимаю палец к губам, но она встает вслед за мной, зачем – то опуская руку в карман, протестующее качает головой

– Я с тобой. Не пущу одного. Бог весть, что там!

Впервые в жизни я поднимаюсь по лестнице, почти прыгая через ступеньки и немислимо торопясь, и в то же время – стараясь, чтобы не было скрипа. Она идет за мной – легко и бесшумно, вдавливая крошечную, необутую, пятку и стопу в пологость широких деревянных ступеней. Мы входим на чердак, я пригибаю голову, чтобы не стукнуться о низкий скат скошенного потолка.. И – почти тотчас на меня набрасывается чья то верткая и гибкая тень, кто то вцепляется мне в плечо, отпрыгнув от ниши в глубине чердака – мансарды, пытается выкрутить руки. Наша борьба молниеносна, мы не произносим ни слова, только ожесточенно дышим друг другу в лица, которых не видно в темноте. Меня спасает знание приемов кулачного боя, которому я когда – то немного учился в Алжире. С помощью заковыристой подножки — "петли" противник повержен наземь, я держу его за шиворот легкой куртки, похожей на летнюю штормовку. Вспыхивает свет. Не яркий, но достаточный, для того, чтобы мы зажмурились от боли в глазах. Крохотный фей умудряется каким то образом дотянуться до выключателя, оживить тусклый плафон на потолке, и строгим, звенящим от напряжения голосом, совершенно спокойно заявить грабителю, которого я держу за воротник:

– Как Вы посмели влезть в наш дом?! Кто Вы такой??. Что Вам нужно? Что Вы ищете здесь?

– Заткнись, минетка портовая! – неожиданно глухо шипит, в ярости поверженного, узколицый человек, со шрамом через всю щеку, сплевывая пыль на чердачный пол, и извиваясь, как змея, в моих руках. – Не п***и тут! Еще с такими, как ты, я не разговаривал!

– Милая, у тебя есть платок? – нарочито ледяным тоном обращаюсь я к фею. – -Дай мне, я заткну ему рот.

Фей кивает, опуская руку в карман. И в этот момент, что то резко, отчаянно сверкает, отражая косой лунный луч, в правой руке грабителя и остро касается сгиба большого пальца на моей левой руке. Я не успеваю отдернуть ее, что то еще раз больно тыкается мне в левый же бок, разрезая рубашку и карман на брюках..

«Нож, перо!» – молния мысли проносится птицей в моей голове, И я, думая, как увернуться от лезвия, отодвинуться в сторону, не сразу реагирую на короткую и яркую вспышку выстрела, сухой хлопок, свист, звяканье металла и яростное шипенье фея:

– Не смей касаться моего мужа, негодяй! Брось свою поганую финку, иначе узнаешь, что опасно разговаривать с такими, как я! Могу и убить. Нечаянно – холодно цедит сквозь зубы фей, презрительно морща носик.

Узколицый гость со шрамом, ядовито розовеющим на кирпично – коричневой коже щеки, сдавленно охает, и смачно ругаясь, хватается скрюченными судорогой пальцами за предплечье. По рукаву» парашютки» «расползается вширь алое пятно. Кажется, он серьезно ранен. Из маленького браунинга, который держит мой невероятный, спокойный, крошечный фей в своей тоненькой руке. Рядом с ним на полу, в пыли, валяется срезанное рикошетом пули лезвие финки, точнее, самый его конец, острый клин..

– Ласточка, – Ошеломленно хриплю я, еще не совсем понимая, что произошло, и протягивая свободную руку в сторону, где стоит она, чтобы поймать ладонью ее пальцы. – Ласточка, осторожнее. Не наступи здесь... Порежешься. Ты же – босая!

Глава шестнадцатая. Номер триста пятый. Молитва фея...

– Так, Светлана Александровна, и еще, вот здесь, пожалуйста, распишитесь... И Вы, Георгий Васильевич, здесь, ниже! – молоденький, светловолосый полицейский, собирает листки бумаг в клеенчатый файл, по одному, берет под козырек, как бы – шутя, неточно, улыбаясь, стараясь смягчить суету и бездонность этой сентябрьской длинной ночи... Точнее, уже рассвета, который сереет, оседая холодным варевом тумана на ступеньках.. Во дворе урчит и фыркает длинный полицейский фургон, куда три дюжих молодца удачно «транспортировали» нашего непрощенного гостя, заломив ему руки и нацепив на них браслеты наручников.

– И прошу Вас, очень, не выходите ночью без надобности особой на улицу. Вам бы собаку... Если хотите, мы можем служебную Вам дать.. В питомнике есть. С выслугой лет – Лейтенант негромко смеется. Смех приятный, легкий, как дождь.

– Он что, особо опасен? – Живо перебиваю я, перехватив удивленный взгляд фея, и то, как, по особенному, она склоняет голову к плечу, выписывая параф в росчерке фамилии. Я вижу, что ручка на мгновение замирает в ее руке, не касается листа.

– И он, и те, кто с ним... Вы точно, никогда его раньше не видели?

– Нет. Он ведь очень приметный. Мы бы обратили внимание сразу.

– Да, конечно, – кивает лейтенант. – Такой шрам. Как клеймо.

– Где это его так? – Я внимательно смотрю на лейтенанта.

– В колонии особо строгого режима. Ножом, во время прогулки. Недосмотрел конвой. – Так, если не возражаете, еще заявление оставьте, Вам приведут собаку. – Перебивает вдруг сам себя лейтенант. Они обученные, не стоит бояться... Просто первые дни в наморднике и по два часа занятий с инструктором в Вашем присутствии. Это все. Собаки очень спокойные. Пока не настанет момент, они ничем не проявляют себя..

– А что писать? – Фей решительно придвигает к себе лежащий на столе лист бумаги и в то же время умоляюще смотрит на меня – Грэг, пожалуйста...

– Любимая, я не против, в принципе, но... она может... помешать тебе... как то.. вдруг... Уронит,.. Помнишь, ты говорила, тебя в детстве уронил пес.. – Я развожу руками.

– Это было давно, милый... – тихо улыбается фей. – И словно волшебный крохотный фонарик изнутри освещает ее лицо. – Я была тогда очень маленькой.

– Вы и сейчас.. ну, это.. не очень большая – смущенно бормочет лейтенант, и замирает на миг, ожидая реакции с нашей стороны. Мы смотрим друг на друга, и фыркаем, давась смехом.

– Зато очень храбрая! – В столовую входит один из дежурных наряда. – Давай, Стрельников, быстрее, поехали уже, а то этот красавЕц нам всю машину вдребезги разнесет! Орет там, по полу катается.. Не буду сидеть и все. И как это Вы, дамочка, не побоялись в него пальнуть?! – Дежурный с восхищением смотрит на фея. – Его, жилу корейскую, три мужика скрутить вон не могут!

– Это я – со страху, – спокойно и просто отвечает фей. – Он на мужа полез с ножом, чуть печень не проткнул.. Вот и что было мне делать? – Фей, улыбаясь, смотрит на мою перевязанную руку.

– Правильно. Молодец. – Одобрительно крикает дежурный. – Вы на дочку мою похожи.. Она тоже – не лыком шита, в прошлом году вора в соседском саду поймала среди бела дня... Огрела дрыном... Ты это, Стрельников, браунинг то записал..? На регистрацию же подать надо...

– Да записал я все, Михалыч, чего ты.. Поедем. – Лейтенант, подтягивает ремень на кобуре и стремительно выходит из столовой, на ходу негромко бормоча своему напарнику:

– Чудо просто, что кореец не прирезал их обоих. Номер триста пятый.. Ну и ну.. Никак не думал, что тут его встречу... Надо бы в Тотьму отрапортовать..

– Да... Дела твои Господи! – задумчиво крикает дежурный и осторожно сдвигает на лоб камуфляжную кепку- Отрапортуем, как связь будет.. Надо же, дамочка, с вершок, а плечо – навывлет! Молодчага девчонка!

Когда я возвращаюсь, в очередной раз заперев ворота и калитку, в столовую, фей, усадив меня в кресло у камина, и помогая снять тенниски, тихо уточняет:

– Любимый, а Тотьма, это..... Там же – смертники, да?

Я ошеломленно смотрю на нее, беру за подбородок, приближаю ее лицо к своему:

– Да. Ты все слышала? Но... откуда ты? – Я растерянно умолкаю, не в силах сказать что то еще, хватаюсь за голову: «О, господи.. С ума сойти! Он бежал из колонии для смертников, возможно, из одиночной камеры.. Кто там сидит: убийцы, разбойники??!»..

– Голубка! – Хриплю я, раздувая ноздри, и не слыша, как частит и бьет в запястье мой собственный пульс – Жизнь моя, обещай мне, Христа ради, даже если рвота будет кусками крови, не выходить из дома ночью.

– Хорошо! – Фей совершенно спокойно встает и подходит к камину, зябко обняв руками плечи. – И ты – обещай. То же самое. – Она садится на пол, согнув колени, смешно подвернув крохотные стопы, пяточки. Берет в руки спички, неумело чиркает ими.– Боже, любовь моя, что же ты делаешь, чтобы огонь разжечь?! – Она смеется своим обычным серебряным колокольчиком, рассыпав нотки легкого звона по паркету. В камине вспыхивает тихое пламя, осторожно лижет дрова, как рыжая усталая собака, а крохотная женщина с фарфоровым личиком, изумленно уставившись на испачканные ладошки: шепчет тихо, обреченно, обращаясь словно бы – вовнутрь себя.

– Номер триста пятый. У них там нет имен. Они все – без имени, Боже Святой. Спаси и сохрани!

Глава семнадцатая. Сфумато фея...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.